

Владимир
Жаботинский

Еврейский легион

Титаны XX века

Владимир Жаботинский
Еврейский легион (сборник)

«Алгоритм»

2013

Жаботинский В. Е.

Еврейский легион (сборник) / В. Е. Жаботинский — «Алгоритм»,
2013 — (Титаны XX века)

Владимир Евгеньевич Жаботинский (при рождении – Вольф Евнович Жаботинский) родился в России, в городе Одессе, и еще в молодости стал признанным лидером правого сионизма. Покинув Россию, Жаботинский стал создателем «Еврейского легиона» и знаменитых организаций «Иргун» и «Бейтар». Радикальный национализм и ставка на силовые решения давали основания оппонентам Жаботинского обвинять его в фашизме, а левым сионистам – давать ему прозвища вроде «дуче» и «Владимир Гитлер». В книге, представленной вашему вниманию, собраны самые известные публицистические произведения Владимира Жаботинского, касающиеся сионизма в целом и еврейского национализма в частности. В России эти произведения издаются впервые.

© Жаботинский В. Е., 2013

© Алгоритм, 2013

Содержание

Предисловие	5
Евреи России	7
ЕВРЕЙСКАЯ КРАМОЛА[1]	7
О евреях в русской литературе	11
Асемитизм русской интеллигенции	15
Разговор между русским и евреем	25
О «ритуальных убийствах»	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Владимир Евгеньевич Жаботинский

Еврейский легион

(сборник)

Предисловие

Владимир (Зеев-Вольф, Вольф Евнович) Жаботинский родился в Одессе 18 октября 1880 года (12 хешвана 5641 года), в ассимилированной еврейской семье. Отец, Евно (Евгений Григорьевич) Жаботинский, служащий Российского общества мореходства и торговли, занимавшийся закупкой и продажей пшеницы, был выходцем из Никополя; мать, Хава (Эвва, Ева Марковна) Зак, была родом из Бердичева. Старший брат Мирон умер ребенком; сестра Тереза (Тамара, Таня) Евгеньевна Жаботинская-Копп была учредительницей частной женской гимназии в Одессе.

Когда Владимиру исполнилось шесть лет, его отец умер, но мать, несмотря на наступившую бедность, открыла лавку по торговле письменными принадлежностями и определила сына в гимназию в Одессе. В гимназии Жаботинский учился посредственно и курса не закончил, так как, увлекшись журналистикой, с 16 лет стал публиковаться в крупнейшей российской провинциальной газете «Одесский листок» и был послан этой газетой корреспондентом в Швейцарию и Италию; также сотрудничал с газетой «Одесские новости». Высшее образование получил в Римском университете по кафедре права.

Перед Пасхой 1903 года Владимир Жаботинский стал одним из организаторов первого в России отряда еврейской самообороны (ожидавшийся погром, однако, произошел не в Одессе, а в Кишиневе). В августе того же года Жаботинский был делегирован на 6-й сионистский конгресс в Базеле, и с этого момента начинает принимать активное участие в сионистском движении. В начале 1904 года он переехал в Петербург и вошел в состав редколлегии нового сионистского ежемесячного журнала на русском языке «Еврейская жизнь» (в дальнейшем «Рассвет»), с 1907 ставшим официальным органом сионистского движения в России. На страницах этой газеты Жаботинский вел ожесточенную полемику против сторонников ассимиляции и Бунда.

С началом Первой мировой войны Владимир Жаботинский выдвинул идею, что сионистам следует однозначно принять сторону Антанты и сформировать в ее составе еврейскую армию, которая бы приняла участие в освобождении Палестины и затем стала костяком организации там еврейского государства. Находясь в Египте, Жаботинский совместно с Иосифом Трумпельдором сформировал «Еврейский легион» в составе британской армии.

После войны Жаботинский поселился в Палестине. Весной 1920 года он был арестован английскими властями за организацию самообороны во время арабо-еврейских столкновений; заключен в крепости в Акко и приговорен к 15 годам каторги, но вскоре освобожден по амнистии. По освобождении Жаботинский был избран в руководство Всемирной сионистской организации, но очень быстро у него возникают идейные расхождения с большинством, включая лидера организации Вейцмана. Они касались следующих пунктов: сторонники Вейцмана считали, что декларация Бальфура дала все необходимые политические гарантии, и дело сионистов заключается отныне в сельскохозяйственной колонизации Палестины и создании базиса для «национального очага» – однако Жаботинский требовал усиления в деятельности сионистов политического элемента и гарантий еврейской государственности «на обоих берегах Иордана». Сторонники Вейцмана в своей внешнеполитической деятельности уповали исключительно на дипломатические методы – Жаботинский настаивал на силовом давлении как на мандатные власти, так и на палестинских арабов.

Жаботинский резко выступал против господствующих в сионистском движении социалистических идей, указывая, что классовая борьба подрывает необходимое евреям национальное единство; он выдвинул лозунг: «только одно знамя» и сравнивал совмещение социализма и сионизма с поклонением двум богам сразу.

В 1923 году Жаботинский вышел из правления Всемирной сионистской организации в знак протеста против принятия ею «Белой книги» У. Черчилля, констатировавшей невозможность превращения Палестины в мононациональную еврейскую страну. В 1925 году круг сторонников Жаботинского организационно оформился в Союз сионистов-ревизионистов со штаб-квартирой в Париже. На 15-м конгрессе Всемирной сионистской организации фракция ревизионистов предложила объявить создание еврейского государства официальной целью движения, но не получила поддержки.

В 1933 году Жаботинский добился выхода Союза сионистов-ревизионистов из Всемирной сионистской организации. Попытка примирения между Жаботинским и Бен-Гурионом (как представителем левых сионистов), предпринятая при посредничестве Петра Рутенберга (бывшего российского эсера, соучастника убийства Георгия Гапона, с 1920-х годов – промышленника и руководителя «Хаганы» в Палестине), не встретила поддержки среди левых сионистов и провалилась.

Окончательно раскол в сионистском движении оформился в 1935 году с образованием «Новой сионистской организации» под председательством Жаботинского, со следующей программой: «1) создание еврейского большинства на обоих берегах Иордана; 2) учреждение еврейского государства в Палестине на основе разума и справедливости в духе Торы; 3) репатриация в Палестину всех евреев, которые желают этого; 4) ликвидация диаспоры». Подчеркивалось, что «эти цели стоят выше интересов личностей, групп или классов». Штаб-квартира новой организации находилась в Лондоне.

4 августа 1940 года Владимир Жаботинский умер. В 1964 году прах Жаботинского был перезахоронен в Иерусалиме на горе Герцля – как это требовал сам Жаботинский в своем завещании от 1935 года.

Из ревизионистского движения, созданного Жаботинским, вышли современные израильские «правые», которые в лице блока «Ликуд» с 1970-х гг. играют виднейшую роль в политической жизни Израиля.

В Тель-Авиве есть Институт Жаботинского, занимающийся увековечиванием его памяти и наследия. В том же здании находится штаб-квартира партии «Ликуд».

Евреи России

ЕВРЕЙСКАЯ КРАМОЛА¹

...Наша еврейская затрата на дело обновления России не была соразмерна ни с нашими интересами, ни с нашим значением, ни с нашими силами. Даже в моменты наибольшего опьянения надеждами не было в рядах еврейской армии ни одного глупца настолько бессовестного, чтобы ждать от успеха борьбы полного ответа на еврейский вопрос, – ни одного, кто в глубине души не понимал бы, что в обновленной России нам придется жить с теми же соседями, а психология соседей в этом отношении еще нигде и никогда не перерождалась от политической реформы, и суть неравенства не меняется от замены казенного гнета общественным непризнанием.

Это все понимали. Все понимали, что нам обновление России даст меньше, непомерно меньше, и все же мы заплатили больше, непомерно, безумно больше того, что могли заплатить, и того, что стоило заплатить. В течение пятнадцати лет мы собственной волей систематически вносили на алтарь общего дела удесяттеренную живую подать, а когда взошел посев, судьба взыскала с нас уже помимо нашей воли неслыханную доплату... Кто же был прав? Или все это теперь окупится? Или не разумнее было бы для раздавленного и опустошенного племени уступить переднее место в бою сильнейшим? И если даже поверить, что от этого, по чужой косности, ход событий растянулся бы на более долгие годы. Кто решится сказать, что не лучше было бы для нашего народа встретить обновление позже, но не за такую цену?

Наши политические плясуны в ответ на все это кричат о психологии лавочника, о мелочных расчетах, достойных мещанской глуши. Да. Над народным достоянием и благом честный человек должен стоять на страже скупой и расчетливой, как лавочник над своею кровной кассой. Семь раз отмерь и один раз отрежь – это правило мещанина, но политическая партия совершает низкое и нечестное дело, если она хоть на мгновение забывает об этом правиле. Звать массу на трудный подвиг, не взвесив раньше до золотника, во что это ей обойдется, не разорит ли ее непомерное бремя и стоит ли вся игра свеч, – это значит быть в худшем случае предателем, в лучшем случае болтуном. – Но тут есть и другая сторона расчета. Наши затраты не окупятся для нас, но окупятся ли они хоть для общего дела? Правда ли то, что еврейская энергия облегчила и ускорила восход русской свободы?

За каждым из нас должно быть признано право, на исходе определенного периода истории, в такие дни затишья, как нынешние, сесть за стол и подсчитать итоги, подсчитать все то хорошее и все то дурное, что произошло от участия нашего народа в революции. Я хочу это сделать. Попытаюсь это сделать исключительно с помощью трезвого рассудка, намеренно сухо, без всяких апелляций к чувству. Речь идет о подсчете, об итоге, и я хочу действовать, как безличный и добросовестный бухгалтер, у которого, быть может, не все данные в руках, но одна только прямая цель – получить, насколько это в его силах, правильный баланс.

Хотя бы представление так формулирует роль, сыгранную в освободительном движении евреями.

Революции не было. Надо было вызвать ее. И это взяли на себя евреи. Они – легко воспламеняющийся материал, они – грибок фермента, который призван был возбудить брожение в огромной, тяжелой на подъем России. И так далее. Все это много раз уже сказано, много раз писано черным на белом и считается большой истиной. Но я, счетовод, над этой затратой

---

¹ Печатается с небольшими сокращениями.

еврейского народа останавливаюсь в нелегком раздумьи и не знаю, окупилась и окупится ли она.

О, бесспорно, это заманчивая задача: быть застрельщиками великого дела, разбудить политическое сознание в 150-миллионном народе, поднять красное знамя в Литве так высоко, чтоб увидал и Тамбов, и Саратов, и Кострома – чтоб увидели и сказали друг другу: «Пойдем за ним». И, конечно, все это было сделано, поскольку оно зависело от еврейских революционеров: знамя было поднято, и так высоко, и с таким шумом, что Кострома, несомненно, увидела. Но какое действие произвело это на политическое сознание Костромы?

Я вспоминаю, отмечаю, подсчитываю, и вижу ясно, что действие было двоякого рода. С одной стороны. Кострома, бесспорно, вводилась и искушение. Эта борьба на другом конце России не могла не вызывать у нее, Костромы, соблазнительной мысли: значит, можно и у нас попробовать тем же манером? В то же время отдельные евреи добирались и до самой Костромы и лично старались там претворить эту соблазнительную мысль в действие. Все это вело, конечно, к пробуждению политического сознания. Но... А с другой стороны?

Я вспоминаю потемкинские дни в одесском порту. Огромная толпа гаванских и заводских рабочих, самодельная трибуна и ораторы на этой трибуне. Днем толпа еще не была пьяна, даже не подозревала, что через несколько часов она же будет лизать ликер с булыжника мостовой и жечь пакгаузы. Днем толпа эта была настроена несколько торжественно и необычайно, благодаря присутствию мертвеца в палатке и вообще всей обстановке того странного дня. Толпа была в том состоянии неопределенного подъема, когда из нее можно сделать все, что угодно: и мятеж, и погром. Речистый молодец, с открытым славянским лицом и широкими плечами, мог бы ее повести за собой штурмом на город. И ораторов, действительно, слушали с захватывающим вниманием. Но речистый добрый молодец не появлялся, а выходили больше «знакомые все лица» – с большими круглыми глазами, с большими ушами и нечистым «р». И в толпе всякий раз, со второго слова каждого оратора, слышалось замечание: А он жид? Именно замечание, а не возглас, не окрик: в этом, сохрани Боже, не чувлось никакой злобы – это просто, так сказать, принималось к сведению. Но ясно в то же время ощущалось, что подъем толпы гаснет. Ибо в такие минуты, как та, нужно, чтобы «толпа» и ее «герой» звучали в унисон, чтобы оратор был свой от головы до ног, чтобы от голоса, от говора, от лица, от всей повадки его веяло родным – деревней, степью, Русью.

Тут были ведь не пропагандированные люди, которых можно взять резонами, – тут была масса, не подготовленная, но ко всему готовая, если ее схватить за душу. Но чтобы схватить за душу, надо иметь доступ к душе, а чтобы уметь проникать в душу народа, нужно принадлежать к этому народу. Нужно тогда, чтобы ничто, ни одна нотка, ни один жест не покорибили, не оттолкнули стихийного чутья толпы. Здесь этого сродства не было. Выходили евреи и говорили о чем-то, и толпа слушала их без злобы, но без увлечения; чувствовалось, что с появления первого оратора-еврея у этих русаков и хохлов мгновенно создалась мысль: жида пошли – ну, значит, все это, видимо, их только, жидов, и касается. Создалось впечатление чужого, не своего дела, раз о нем главным образом радеют чужие. И больше ничего. Да и этого было довольно: расплылось и упало настроение, толпа стала разбредаться, появились награбленные бутылки, и беспомощные агитаторы ушли в город. Оставив порт и босячество на волю судьбы.

Я далек от того, чтобы медленный рост политического сознания в русских массах объяснять всецело обилием евреев-агитаторов. Но я не сомневаюсь в одном: подымать народную новь может только свой. У чужого – если он не Лассаль, но ведь Лассаль был гений агитации, а гении не повторяются, – у чужого нет того обаяния, которое в таких случаях необходимо. Народ чует чужака и особенно чужаков, если их много, и инстинктивно сторонится.

А враги этим пользуются. Из двадцати процентов евреев они делают девяносто и кричат народу: берегись, это еврейское дело! И народ им верит, или, по крайней мере, долго и упорно верил, и мы это чувствовали на своей спине. Когда неведомо становились страдания русского

народа, и вот-вот готов был прорваться его гнев, – кто сосчитает, сколько раз в такие моменты реакция спасала себя искусной игрою на этой слабой струнке стихийного существа – на недоверии к революции, предводимой инородцами?

Я прекрасно знаю, что еврейские революционеры нисколько не ответственны за то, как освещала реакция их роль в освободительном движении. Да я никого и не виню, я только подсчитываю результаты. И говорю, что если с одной стороны еврейская революция будила политическое сознание русских масс, то с другой стороны преизобилие евреев в рядах крамолы давало реакции ценный и богатый материал для затемнения политического сознания этих масс. Отрицать это значило бы лгать самим себе. И пусть не думают, что это был слабый или недействительный фактор затемнения! В 1863 году реакция сыграла такую же спекуляцию на польском восстании, и успех этой спекуляции всем известен. Недоверие к чужаку всегда было и долго еще будет могучим тормозом для правды, приходящей извне.

И я, бухгалтер, не знаю, что мне делать с этой статьей баланса, на какую страницу вписать ее. Революционный пыл еврейских социалистов будил политическое сознание остальной России, но он же способствовал и затемнению этого сознания. Он давал топливо для революции и пищу для реакции. Что же было сильнее: первое или второе? Иными словами: ускорила или замедлила еврейская крамола наступление всероссийской революции? И если даже ускорила, то на великий ли срок? И стоит ли этот срок той крови стариков, и женщин, и детей, которой нас заставили заплатить, под ножами предателей, за крушение старого строя? Не выгодней ли было для народа подождать еще несколько лет – ведь и без евреев, наконец, не погибла бы Россия, – но дешевле заплатить за свободу?

Пусть, положи руку на сердце, отвечает, кто может, – я не могу, потому что не знаю ответа.

Я написал недавно в одной русской газете, что еврейская кровь на баррикадах лилась «по собственной воле еврейского народа», и меня упрекали за эту фразу. Но я именно так думаю. Я считаю невежественной болтовней все модные фразы о том, что у евреев нет народной политики, а есть классовая. У евреев нет классовой политики, а была и есть (хотя только в зародыше) политика национального блока, и тем глупее роль тех, которые всегда делали именно эту политику, сами того не подозревая. Они делали ее на свой лад, с эксцессами и излишествами, но по существу они были все только выразителями разных сторон единой воли еврейского народа. И если он выделил много революционеров – значит, такова была атмосфера национального настроения. Еврейские баррикады были воздвигнуты по воле еврейского народа. Я в это верю, и раз оно так, я преклоняюсь и приветствую еврейскую революцию.

Но на пользу ли народу пошла эта революция? Не знаю. Воля народа не во всякий отдельный момент ведет к его благу, потому что не всегда народ способен верно учесть объективные шансы за и против себя. И в особенности легко ошибиться тогда, когда весь расчет основан на вере в сильного союзника, на вере в то, что он поймет, он откликнется, он поможет, – а на деле никто из нас этого союзника не знает, и Бог весть еще, как он нас отблагодарит...

Только там, где на себя самого и ни на кого больше не должен рассчитывать народ, – только там воля народа всегда ко благу его. Таково наше движение. Мы не звали народ ни к кому в объятия, не сулили ему ничьей благодарности за услуги и заслуги: мы строили и скрепляли народное единство, и воспитывали сознание национальных задач. И потомки благословят нас за наши суровые призывы к эгоизму, за наше открытое и явное неверие в чужую помощь, и скажут: благо тем, которые в то смутное время, полное миражей и обольщений, умели выбрать прямую дорогу и повели свой народ навеки прочь от чужой помощи и чужого предательства.

Мы – партия национального зодчества – никогда не хотели играть вслепую, и в этом вся разница между нами и другими. Мы всегда знали, что работа на поле, где не мы хозяева, есть игра с завязанными глазами и ничем иным не может быть, и мы протестовали против вовлечения народной массы в эту безумную авантюру. И теперь, после новых и решающих опытов, мы с полным сознанием остаемся на старой позиции. Мы честно и дружно пойдем с освободитель-

ным движением, ибо вне свободы немислимо национальное сплочение, но самая сила вещей отвела евреям место во вторых рядах, и мы оставляем первые шеренги представителям нации большинства. Мы отклоняем от себя несбыточную претензию вести: мы присоединяемся – это все, что объективно под силу нашему народу. В этой земле не нам принадлежит созидательная роль, и мы отказываемся от всяких притязаний на творчество чужой истории.

Поле нашего творчества внутри еврейства. Мы служим еврейскому народу и не желаем другого служения. Здесь мы не слепы, здесь не ведем народ в безвестную темноту, на добрую волю союзников, которых не знаем, за которых не вправе ручаться. Здесь мы даем народу цель и говорим: у тебя нет союзников – или сам за себя, или нет спасения. Никто на свете не поддержит твоей борьбы за твою свободу. Верь только в себя, сосчитай свои силы, измерь свою волю, и тогда – или иди за нами, или да свершится над тобою судьба побежденных.

1906 г.

О евреях в русской литературе

В «Свободных мыслях» была помещена статья К. Чуковского о евреях в русской литературе: потом появилась на ту же тему статья г. Тана, больше похожая на лирическое письмо, чем на статью. Последнее обстоятельство дает и мне повод высказаться по этому вопросу. Будь это спор, я бы не принял участия в нем... Другое дело обмен личными настроениями по лирическому примеру г. Тана, – и я прошу позволения последовать этому примеру.

Кое в чем наши личные настроения сходны. Меня весьма тронуло, например, что г. Тан пишет всеми буквами черным на белом: «мы, евреи». Это нововведение: насколько знаю, это в русской печати второй случай. Обыкновенно еврейские сотрудники русских газет пишут о евреях не «мы», а «они»: местоимение первого лица приберегается для более эффектных случаев, например: «мы, русские», или «наш брат русак» (я сам читал).

Растрогало меня и то, что г. Тан отказывается считаться с пресловутым доводом, будто не следует «в такое время» задевать «такой вопрос». Мы с г. Таном прекрасно знаем, что дело тут не в задевании вопроса, а в упоминании лишней раз слова «еврей», чего многие терпеть не могут: в этом смысле «такое время» было и год, и два, и пять лет, и пятнадцать лет тому назад. Но вслух, конечно, приводятся самые благородные мотивы – что не надо, мол, «играть в руку». Выеденного яйца не стоят эти благородные мотивы. Из-за них не было еврейскому публицисту никакой возможности поговорить с евреями, читающими по-русски, об их делах или об их недостатках – например, о множестве рабских привычек, развившихся в нашей психологии за время обрусения нашей интеллигенции. Эта интеллигенция не читала ни «Восхода», ни древнееврейских и жаргонных газет, а читала больше всего провинциальную прессу черты оседлости – которую, кроме нее, почти никто не читал, в которой, кроме нее, почти никто не писал и которая в общем не печатала ни одного слова о еврейских делах. Порою хотелось рвать на себе волосы от бешенства, и знаете ли, теперь тоже нередко хочется. Лучше бы тысячу раз «сыграть на руку» черным людям, которые от этого не стали бы чернее, чем так наглухо запереть все пути к среднему еврейскому интеллигенту, чем так упорно приучать его к забвению о себе самом и о долге самокритики, чем так обидно воспитывать в нем унижительное невнимание к себе и своему делу...

По существу предмета наши настроения зато вряд ли совпадают. Обсуждать, хороши или плохи евреи в чужих литературах, я не стану – это было бы уже спором, от которого я отказался. Замечу только, что дело совсем не в том, чувствует ли себя г. Тан, как сам утверждает, неразрывно привязанным к русской литературе или не чувствует. Чуковский отнюдь и не собирался оторвать его или других от русской литературы: он только задал себе вопрос, велика ли польза русской литературе от этих неразрывных привязанностей, и пришел *sine ira et studio* к печальным выводам. Чтобы не прятать даже мимоходом своего мнения, прибавлю, что я с г. Чуковским совершенно согласен; прошу г. Тана не принять это с моей стороны за щелчок по его адресу – я его, г. Тана, кроме газетных статей, право, не читал и судить не могу: но вообще нахожу, что евреи пока ничего не дали русской литературе, а дадут ли много впредь – не ведаю. Однако не сомневаюсь, что против г. Чуковского был уже в печати, как водится, выдвинут длинный список «еврейских замечательных людей», блистательное доказательство наших великих заслуг перед отечеством и человечеством. «Рассвет» остроумно заметил, что в этих случаях докапываются чуть ли не до девиц, окончивших гимназию с золотой медалью. Таковых, слава Б-гу, немало, и честь Израиля нетрудно спасти, ибо мы люди маленькие и малым довольны. Заграницей наши онемеченные или офранцузенные братья чувствуют себя на вершинах радости, когда кого-нибудь из них в кои веки примут в высшем туземном обществе: они делают важные лица и говорят многозначительно: ого! А у нас однажды г. Горнфельд, я помню, печатно выразил свой восторг по поводу того, что «в одном рассказе Елпатьевского

больше интереса к евреям, чем во всех сочинениях Успенского», – из чего явствует прогресс гуманности и благого просвещения. После этого почему же не удовлетвориться гордым сознанием, что нашего такого-то печатают в лучших журналах – так сказать, принимают в высшем туземном обществе? При малом честолюбии и на запятках уютно...

Если г. Тану или другим уютно в русской литературе, то вольному воля. Я, например, не только не стал бы их манить назад, но даже не выражу сомнения, точно ли так им уютно, как они рассказывают. Напротив, признаю и не сомневаюсь. Но я это иначе объясняю, иначе освещаю. Г. Тан объясняет свои родственные чувства к русской литературе, между прочим, и тем, что деды его захватили жаргон, проходя через Ахен, а ему, г. Тану, какое дело до Ахена? Это резон, но я советовал бы г. Тану употреблять его пореже и с осторожностью; ибо мы на своем пути прошли не только через Ахен, но и через Вильну, Киев, Одессу, отчасти через Петербург и Москву, и если мы начнем так небрежно отмахиваться от попутных городов, то нам с г. Таном могут со стороны предъявить вопрос: – Что это такое? *Cuis regio, eius religio?* Где переночевали, там и присягнули, а выйдя вон – наплевали? Эх, вы, патриоты каждого полустака...

Я бы лично этого окрика не хотел, и потому предпочитаю не плевать на Ахен и не лобызать торцов Петербурга. Свои гражданские обязанности несу там, где я приписан и ем хлеб, и несу их корректно; в сердце же к себе я чужих людей не пускаю: в том, какой я город люблю и к какому городу равнодушен, никому давать отчета не желаю, и принципиально демонстрирую совершенно одинаковое благорасположение к Ахену и Москве. Будь у меня всамделишный свой город, я бы тогда стал говорить о любви: и это, быть может, была бы такая любовь, какую сорок тысяч людей на запятках любить не в силах. Но при нынешнем моем положении воздаю кесарево кесареvu, а божию держу про себя. Исповедую лояльный космополитизм, и ни на сантиметр больше.

Самый же вопрос о жаргоне я беру не с точки зрения Ахена, да и вопрос о том, в какую литературу идти еврейскому писателю, беру не с точки зрения жаргона. С жаргоном я считаюсь потому, что на нем фактически говорит народ, и, следовательно, для того, чтобы работать в народе и с народом, надо работать и на жаргоне. Это ясно, как дважды два четыре, и совершенно при этом не важно, где, когда и из чьих рук мы подобрали это наречие. Но вопросом о языке еще не решается вопрос о том, куда идти, в какую литературу. Часть евреев вырастает, не владея жаргоном, и некоторым из этого числа очень трудно потом овладеть. Это большая помеха для работы в еврейском переулке, это заставляет писать по-русски, но писать по-русски еще само по себе не значит уйти из еврейской литературы.

В наше сложное время «национальность» литературного произведения далеко еще не определяется языком, на котором оно написано. Это ясно в особенности по отношению к публицистике. «Рассвет» издается на русском языке, но ведь никто не отнесет его к русской печати. Так же точно к еврейской, а не к русской литературе относятся наши бытописатели О. Рабинович и Бен-Ами, или поэт Фруг, хотя их произведения написаны по-русски. Решающим моментом является тут не язык, и с другой стороны даже не происхождение автора, и даже не сюжет: решающим моментом является настроение автора – для кого он пишет, к кому обращается, чьи духовные запросы имеет в виду, создавая свое произведение. Шутник может спросить, не относится ли в таком случае погромная прокламация «К жидам г. Гомеля» тоже в вертоград еврейской литературы: но если не оперировать курьезами и брать вопрос серьезно, то «национальность» литературного произведения в таких спорных случаях устанавливается, так сказать, по адресату. Если пишете для евреев, то много ли, мало ли вас прочтут, но вы остаетесь в пределах или хоть на окраинах еврейской литературы. Можно поэтому не знать жаргона и все-таки не дезертировать, а служить, по мере сил и данных, своему народу, говорить к нему и писать для него. Дело тут не в языке, а в охоте.

Я прекрасно понимаю, что нелегко требовать этой охоты от писателя, знающего по-русски. Он может писать для русской публики, это гораздо заманчивее – и аудитория неизмеримо больше, и жизнь шире, многообразнее, богаче. Искушение слишком велико. Оторваться от этого простора и сосредоточить свои мысли на переживаниях еврейства – это жертва, для некоторых и большая жертва. Из малороссов, одаренных сценическим талантом, большинство пока уходит на велокорусские подмостки, и причина та же: аудитория шире и культурнее, репертуар лучше, общественное признание куда серьезнее... Одного заметного столичного публициста недавно убедили стать во главе органа, посвященного еврейским интересам; и он через месяц ухватился за первый повод и ушел, высказавшись так: – У меня все время было такое чувство, точно я из громадного зала попал в чулан...

Не виню совершенно ни его, ни ему подобных: но с другой стороны нечем тут и гордиться. Человеческая мысль очень лукава и умеет раскрасить в багрец и золото какой угодно поступок; и в этих случаях она подсказывает уходящим из чулана красивые речи о том, что широкое лучше узкого, общечеловеческое (русское называется общечеловеческим) важнее национального, интересы ста миллионов с лишним важнее интересов пяти миллионов и так далее. Но все это пустые слова перед тем фактом, что наш народ остается без интеллигенции и некому направлять его жизнь. Оттого я сказал, что иначе все это освещаю, в иную меру оцениваю, и могу вам назвать совершенно искренне, в какую именно меру. В грош я это оцениваю, эти раззолоченные узоры на халате дезертира, эти пошлости на тему об узком, широком и общечеловеческом, потому что это неправда. Если человек уходит из чулана в большой зал, значит, он пошел по линии своей выгоды, и больше ничего. Не поймите меня банально, я не говорю о денежной выгоде; но идти по линии своей выгоды – значит идти туда, где человеку легче удовлетворить свои аппетиты и запросы, где атмосфера тоньше, среда культурнее, резонанс шире, подмостки прочнее и вообще все пышнее и богаче. Только потому они и уходят, и ничего нет в этом возвышенного, ибо всякий средний человек предпочитает Рим деревне и согласен даже быть в Риме сто пятнадцатым, лишь бы ходить по мрамору, а не по деревенской улице. Может быть, в том-то и дело, что только средние люди так рассуждают, и потому Бялик и Перец у нас, а в русской литературе подвизается г. Тан и еще не помню кто; но оттого народу не легче, если у него остаются генералы и нет офицеров, и дезертирство остается дезертирством. Я этим никого не ругаю, я человек трезвый и не вижу в дезертирстве никакого позора, а простой благоразумный расчет: на этом посту мне, интеллигенту, тяжело и тесно, а там мне будет легче и привольнее – вот я и переселяюсь. Вольному воля. Мало что в чулане осталась толпа без вождей и без помощи – ведь никто не обязан быть непременно хорошим товарищем. Счастливой дороги. Но не рядите расчета в принципиальные тряпки, не ссылайтесь на возвышенные соображения, которых не было и не могло быть у людей, что покинули нас в такой неслыханной бездне и перетанцевали на ту сторону к богатому соседу. Нас вы этими притчами не обманете: мы хорошо знаем, в чем дело, знаем, что мы теперь культурно нищи, наша хата безотраднa, в нашем переулке душно, и нечем нам наградить своего поэта; мы знаем себе цену... но и вам тоже!

Опять-таки настаиваю на прежнем: мой набросок получил оттенок беседы с г. Таном, и г. Тан может принять все это на свой счет, а мне бы не хотелось. Ей-богу, я в точности не знаю, перекочевал ли он или нет, говорю не о нем и вообще не о ком-нибудь, а так. Обмениваюсь личными настроениями. И раз это личное настроение, то хочу вам указать еще одну его деталь: нашу окаменелую, сгущенную, холодно бетонную решимость удержаться на посту, откуда сбежали другие, и служить еврейскому делу чем удастся. головой и руками и зубами, правдой и неправдой. честью и мезтью, во что бы то ни стало. Вы ушли к богатому соседу – мы повернем спину его красоте и ласке: вы поклонились его ценностям и оставили в запустении нашу каплицу – мы стиснем зубы и крикнем всему миру в лицо из глубины нашего сердца, что один малыш, болтающий по-древнееврейски. нам дороже всего того, чем живут ваши хозяева

от Ахена до Москвы. Мы преувеличиваем свою ненависть, чтобы она помогала нашей любви, мы натянем струны до последнего предела, потому что нас мало и нам надо работать каждому за десятерых, по тому что вы сбежали и за вами еще другие сбегут по той же дороге. Надо же кому-нибудь оставаться. Когда на той стороне вы как-нибудь вспомните о покинутом родном переулке и на минуту, может быть, слабая боль пройдет по вашему сердцу, – не беспокойтесь и не огорчайтесь, великодушные братья: если не надорвемся, мы постараемся отработать и за вас.

1908 г.

Асемитизм русской интеллигенции

(из статей о «чириковском инциденте»²)

Из всей обстановки любопытного случая, разыгравшегося на чтении новой драмы г. Шолома Аша, и из всех разговоров, которые затем последовали, неопровержимо вытекает одна неприятная правда: что г. Чириков высказал коллективные мысли. Об этих щекотливых предметах наши соседи, по-видимому, уже давно шушукаются. Мы найдем, конечно, утешителей, которые станут божиться, по обыкновению, что г-да Чириков и Арабажин совершенно одиоки в своем образе мыслей; при этом случае кстати вспомнить, что г. Чириков не особенно талантлив, и даже его пьесу «Евреи» не пощадят, а г-на Арабажина, который мало известен, и совсем низведут до нуля; и получится, как всегда, что только нули осмеливаются ворчать против евреев, а «лучшая часть интеллигенции неизменно стоит за нас». Что и требовалось доказать. Но неприятная правда все-таки в том, что г. Чириков высказал общие мысли, и это в его лице русская интеллигенция начинает показывать коготки. Насколько талантлив г. Чириков, предоставляю судить тем счастливым, которые читали этого писателя: я, кроме «Евреев», никаких плодов его пера не вкушал. Но если правду говорят, что г. Чириков и по таланту, и по всем другим качествам посредственность, то тем характернее этот выпад.

Тут перед нами, очевидно, человек как все, т. е. самый ценный тип для изучения массовой психологии: в свое время, когда надвигалась весна и «все» были добродушно настроены, он от чистого сердца написал юдофильскую пьесу, а теперь, когда «все» начали морщиться, он опять-таки от чистого сердца запретестовал против нашествия кашерных блюд на стол русской литературы. Тогда действовал без умысла и теперь инстинктивно отражает свою среду. И столь же симптоматично выступление г. Арабажина. Большая публика, особенно еврейская, совсем его не знает, и потому надо ей сказать, что это один из тех людей, которые всю жизнь ужасно заботятся, как бы не подмарать и не подмочить свою передовую репутацию. В этой заботе чуть ли не главный момент их политической психологии. В свое время г. Арабажин редактировал «Северный Курьер», выступивший в защиту евреев после скандала с «Контрабандистами». Теперь он, хотя с оговорками, осторожно, кончиком мизинца, поддержал г. Чирикова в том смысле, что вот, действительно, есть и такое мнение, и хотя мое дело сторона, а вы, евреи, все-таки приутихните.

«До сих пор вы имели дело только с отбросами общества, теперь будете иметь дело с настоящей русской интеллигенцией», – предсказывает г. Арабажин. И будьте уверены – раз г. Арабажин об этом говорит, значит об этом уже можно говорить: отлучение от передового лагеря не последует. Люди этой категории выступают только тогда, когда чувствуют за собою молчаливый мандат многих. Конечно, г-да Чириков и Арабажин люди не крупные, но ведь никогда первачи не бывают застрельщиками, и никогда не только генералы, но и вообще большие люди не бегут перед полком, отправляющимся в поход. Впереди бежит, обыкновенно, городское отрочество и вообще элементы менее ценные и зато более подвижные, а настоящая серьезная сила идет сзади, и, быть может, не сейчас.

В данном случае даже очень вероятно, что не сейчас. Политический момент все-таки неудобен для открытого разрыва между русской передовой интеллигенцией и евреями. Главные органы передовой печати постараются замаять всю эту историю (они упорно молчат о ней),

---

² Этот инцидент заключался в том, что два прогрессивных писателя – г-да Чириков и Арабажин – высказали в одном кружке взгляды, которые были потом в печати истолкованы как протест против наплыва евреев в русскую литературу. – Примеч. в. Жаботинского.

а потом и в еврейской среде подымут голос утешители, оправившиеся от ошеломления, и запоют старую песню, что все обстоит благополучно, – старую песню, приниженную, льстивую, неискреннюю, – старую песню, на которую не стоит отвечать, ибо авторы ее лгут и сами знают, что лгут и что никто им не верит. А под шумок этих успокоительных заверений будет делаться тихое, незаметное дело: все те отрасли русской умственной жизни, которые теперь «заполнены» евреями, начнут потихоньку избавляться от этого услужливого, дешевого, но непопулярного элемента. Лозунг «judenrein!» проникнет понемногу и в передовую прессу, и в издательства, и в передовой театр; для этого совсем не потребуется, чтобы во главе учреждений стали антисемиты – напротив, найдутся и еврейские редакторы или антрепренеры, даже некрещенные, которые, считаясь с настроением потребителя, сами позаботятся об уменьшении процента евреев. Создадутся вполне приличные литературные общества, куда евреям будет затруднен доступ, конечно, в самой благородной форме, без подчеркиваний, без явного антисемитизма. Вообще до антисемитизма, в грубом смысле этого слова, у передовой интеллигенции дело еще не скоро дойдет, а просто захочется ей пока побыть наедине с собою, без постоянного еврейского свидетеля, который слишком акклиматизировался, чувствует себя чересчур по-домашнему, во все вмешивается, всюду подает голос...

Некоторые органы большой передовой прессы Петербурга решили, очевидно, совсем замолчать случай с г-дами Чириковым и Арабажиным. Это можно было предвидеть заранее. В эпоху ассимиляции немецких евреев кто-то пустил в обращение следующую формулу: лучший способ проявить юдофильство, это – не говорить ни слова ни о евреях, ни об их противниках. Лучший ли, не знаю, но, несомненно, удобный способ. В нравы и традиции русской печати ввела его почтенная и заслуженная московская газета, декан и образец русского прогрессизма. Эта газета выдвинулась в эпоху самой отчаянной травли еврейского племени и стойко молчала в течение 25 лет на сию щекотливую тему: не обмолвилась ни одним звуком ни о евреях, ни об их литературных гонителях. Пример не остался без подражателей, и с тех пор замалчивание считается высшим шиком прогрессивного юдофильства. Такой шик задают теперь «Наша Газета» и «Речь» по поводу чириковского приключения. Как раз в тех кругах, которые весьма близки обеим редакциям, об этом случае говорят очень много, а обе газеты молчат и, несомненно, думают, что у них это выходит очень эффектно и многозначительно: сама, дескать, истина молчит нашими устами!

С последним я вполне согласен и даже попытаюсь разобраться в таинственном содержании этого многозначительного безмолвия. В самом деле, о чем молчит истина устами почтенных органов? Что знаменует их немота в этом случае? Что знаменует самый случай, каков его общественный смысл?...

Прежде всего надо заступиться за гг. Чирикова и Арабажина: когда они уверяют, что ничего антисемитского не было в их речах, то они оба совершенно правы. Из-за того, что у нас считается очень *distingue* помалкивать о евреях, получилось самое нелепое следствие: можно попасть в антисемиты за одно слово «еврей» или за самый невинный отзыв о еврейских особенностях. Я помню, как одного очень милого и справедливого господина в провинции объявили юдофобом за то, что он прочел непочтительный доклад о литературной величине Надсона. Когда г. Чуковский констатировал тот неопровержимый факт, что евреи, подвигающиеся в русской изящной литературе, ничего стоящего ей не дали, очень недалеко было от того, чтобы и г. Чуковского ославили антисемитом. То же самое теперь с г. Чириковым. Хороши или плохи русские бытовые пьесы последних лет, я судить не берусь: но г. Чириков совершенно прав, когда говорит, что глубоко прочувствовать их может не еврей, а только русский, для которого «Вишневы сад» есть реальное впечатление детства. Если бы г. Чириков сказал: «а не поляк», никто бы в этом не увидел ничего похожего на полонофобию. Только евреев превратили в какое-то запретное табу, на которое даже самой безобидной критики нельзя навести, и от этого обычая теряют больше всего именно евреи, потому что, в конце концов, создается такое впе-

чатление, будто и самое имя «еврей» есть непечатное слово, которое надо пореже произносить...

Кого особенно несправедливо обижают, это г. Арабажина. Если оставить в стороне его выпады в печати против сионизма, которые не стоят внимания прежде всего потому, что г. Арабажин в этом вопросе некомпетентен, то именно он уж совсем ничего греховного не сказал. Он и вообще (судя даже по тем пересказам, против которых он печатно протестует, и тем более по его собственной передаче) не выразил в этом споре никаких собственных взглядов. Он только констатировал, что настроение, звучавшее в словах г. Чирикова, свойственно не одному лишь последнему, а имеет или может иметь сторонников в кругах, прикосновенных к русской литературе и русскому театру. Г. Арабажин сделал даже оговорку, что лично он этого настроения не разделяет, но что оно все-таки есть, и он считает долгом обратить на это серьезное внимание товарищей-евреев. Может быть, все это было высказано им и г. Чириковым в более мешковатой форме (нельзя же забывать, что спор был в частной товарищеской компании, где половина собравшихся друг с другом на «ты»), но по существу ничего антисемитского, реакционного и по всем прочим статьям преступного эти нашумевшие речи не содержали. Одно только в них было: симптоматическое.

Именно с этим всего неохотнее согласятся юдофилы-замалчиватели. С их точки зрения уж лучше записать гг. Чирикова и Арабажина в список отлученных от прогресса, чем признать, что в речах этих писателей звучал смягченный отголосок некоего общего настроения, пробивающего себе дорогу в среднем кругу передовой русской интеллигенции. Спорить тут невозможно, документальных доказательств не добудешь – наличие такого настроения можно установить пока только на ощупь, и не всякий захочет признаться, что уловил в других или в самом себе нечто подобное. Но если быть искренним, то ведь ни для кого не тайна, что это так. Из всех бесчисленных толков, вызванных чириковским инцидентом, явственно звучал один общий мотив: «это» не новость, об «этом» уже давно и много поговаривают. Есть, конечно, люди, которые в таких случаях нарочно затыкают уши – и не только себе, но и другим, в том числе и заинтересованной стороне; и пойдет эта заинтересованная сторона доверчиво дальше по старому пути, не слыша надвигающегося грома, и потом будет захвачена врасплох. Это считается шиком прогрессивного образа мыслей, и ничего не поделаешь с людьми, которым такая тактика по вкусу. Я и не намерен их переубеждать. Пусть притворяются оглохшими и незрячими. А все-таки назревает какое-то облачко и невнятно доносится далекий, еще слабый, но уже неприветливый гул...

Повторяю – то, что назревает в некотором слое русской интеллигенции, не есть еще антисемитизм. Антисемитизм очень крепкое слово, а крепкими словами зря не следует играть. Антисемитизм предполагает активную вражду, наступательные намерения. Разовьются ли эти чувства когда-нибудь в русской интеллигенции, предсказать нелегко: но пока до них еще, во всяком случае, далеко. То, чем веет теперь, чем так сильно пахнуло изза завесы, чуть-чуть приподнятой гг. Чириковым и Арабажиным, то не антисемитизм, а нечто отличное от него, хотя родственное и, быть может, служащее предтечей антисемитизму. – Это асемитизм. В России это слово малоизвестно, зато за границей, где куда лучше знают толк в разных оттенках жидоморства, оно давно в ходу. Это не борьба, не травля, не атака: это – безукоризненно корректное по форме желание обходиться в своем кругу без нелюбимого элемента. В разных профессиональных сферах оно разное проявляется. В сфере литературно-художественной, с которой у нас «началось», оно приняло бы форму такого рассуждения: я пишу свою драму для своих и имею право предпочитать, чтобы на сцене ее разыграли свои и критику писали свои. Этак мы лучше пойдем друг друга.

Если хотите, не вижу в этом еще невнятном веянии ничего нового. Ново только, что об этих вещах начинают говорить: прежде считалось, что «эти вещи» сами собою понятны, вслух о них не болтали и просто осуществляли асемитизм на практике. И не со вчерашнего

дня, а искони. Ибо что есть двадцатипятилетнее величавое молчание «Русских Ведомостей»? Что есть теперешнее молчание передовых органов? Вот уже пять лет прошло с кишиневского погрома; за это время Россию наводнили книжками и, листками, проповедующими племенную резню, десятки уличных газет разносят по всем углам зажженную паклю ненависти к евреям; чуть ли не вся идеология реакционного движения сводится к этой ненависти, – казалось бы, уже хоть потому, если не из рыцарской потребности заступиться за угнетенного, полагалось бы русской передовой печати бороться против этой пропаганды. Русская передовая печать ничего в этом смысле не сделала. Да простится мне резкое слово: больше вбитых гвоздей я нашел в мертвых глазницах одной из жертв погрома в Белостоке, чем статей об этом погроме в русской передовой печати. Были постановления каких-то съездов, чтобы газеты энергично боролись с юдофобской пропагандой, и тоже не помогло. Не помогло даже изобилие сотрудников евреев: знаю по горькому опыту, что самое страстное желание поднять голос в защиту своей народности разбивалось за кулисами даже самых смелых и боевых органов обо что-то неуловимое и неосязаемое.

Много интересного можно было бы рассказать на эту тему... Да к чему? Кто этого не знает? Теперь образовалось несколько издательств для борьбы с антисемитизмом; оставим в стороне вопрос, много ли могут они сделать: но любопытно то, что их руководители очень близко стоят к влиятельной передовой печати и хорошо понимают, что статья в распространенной газете гораздо полезнее брошюры, которая Бог весть еще попадет ли в настоящие руки. И, однако, они вынуждены возиться с этими брошюрами и не смеют мечтать о борьбе с пропагандой погрома через оппозиционную прессу. Почему?

Как-то я прямо задал этот вопрос руководителям одной редакции и выжал после множества уклонений такой ответ: нас читает интеллигенция, а она в таких поучениях не нуждается. Было это в 1906 году. Хорошо. Но теперь у нас 1909 г. Что-то новое начинает прокрадываться в русскую интеллигентскую психологию. Если и правда, что тогда русская интеллигенция была иммунизирована от юдофобских предрассудков, то хватит ли у кого-нибудь отваги ручаться, что иммунитет сохранился и ныне?

О, да, очень многозначительно это безмолвие. Советую очень глубоко вдуматься в него читателя обеих национальностей. Твердой рукой подписываюсь под словами г. Арабажина: здесь есть предостережение и вам, и нам. Предостережение тем более серьезное, что поветрие, первые симптомы которого теперь нас так переполошили, далеко не такая новость на нашей улице, как это может показаться наивному, – ибо зародыши той асемитической тенденции, на которую так бесхитростно вслух указали гг. Чириков и Арабажин. давно молчаливо таились во всей тактике русской интеллигенции по одному из самых трагических вопросов российской жизни...

«Ныне отпускаеши», – могут сказать г-да Чириков и Арабажин: подходит, кажется, момент, когда небо исполнит, наконец, заветное желание этих двух писателей – их оставят в покое. *Der Mohr hat seine Schuldigkeit gethan – der Mohr kann gehen.* (Мавр сделал свое дело – мавр может уходить.) Не потому, чтобы инцидент был исчерпан: напротив, инцидент только начинает завариваться по-настоящему, и, если не будет войны или чего-нибудь другого очень сенсационного, не скоро еще уляжется в газетах эта любопытная история. Но дело в том, что г-да Чириков, Арабажин, Аш, другой Аш и вообще все участники той знаменитой беседы вдруг отошли на второй план – их заслонили более крупные фигуры. На сцену выступили г-да Струве и Милюков и, как свойственно крупным фигурам, сразу взяли быка за рога и поставили точку над *i*. Пока перессорившиеся между собой совозлежатели мирной трапезы, отныне бессмертной в летописях еврейского дезертирства, обидчиво препирались на разных языках о том, какое кто слово сказал и какого не сказал, г-да Струве и Милюков просто перешагнули через это скарредное крохокопательство и перенесли вопрос на единственно стоящую почву. Они поняли, что дело совсем не в том, проштрафился или не проштрафился тот или другой

маленький человек в ночь на такое-то число в частной квартире такого-то, – а важно установить только один момент: что тут было – случайная шальная пуля, залетевшая неведомо откуда, или первый, пусть и преждевременный, выстрел из сильного и уже недалекого от перехода в боевое настроение лагеря?

Мнение по этому вопросу г. Струве – не новость. В разгаре выборов во вторую Думу он заявил одному интервьюеру, что настоящий антисемитизм – интеллигентский – еще впереди. Было это напечатано в газете «Русь» и, конечно, не удостоилось ни перепечатки, ни комментария в других передовых органах. Теперь г. Струве иными словами повторяет ту же мысль. Скрывать русское «национальное лицо» – «безнужно и бесплодно, ибо его нельзя прикрыть». А в чем оно состоит? Это – не раса, не цвет кожи и т. д., это есть «нечто гораздо более несомненное и в то же время тонкое. Это – духовные притяжения и отталкивания... Они живут и трепещут в душе». И в том числе – «сила отталкивания от еврейства в самых различных слоях (!) русского населения фактически очень велика». Конечно, в области государственной с этими «отталкиваниями» считаться не следует, т. е.

равноправие все-таки нужно дать. «Но государственная справедливость не требует от нас национального безразличия. Притяжения и отталкивания принадлежат нам, они наше собственное достояние, в котором мы вольны... И я не вижу ни малейших оснований для того, чтобы отказываться от этого достояния в угоду кому-либо и чему-либо»... «Я полагаю, евреям полезно увидеть открытое национальное лицо той части русского, конституционно и демократически настроенного общества, которая этим лицом обладает и им дорожит. И, наоборот, для них совсем не полезно предаваться иллюзии, что такое лицо есть только у антисемитического изуверства».

Все это напечатано в газете «Слово» от 10 и 12 марта и ни в каких пояснениях и подчеркиваниях не нуждается. Но г. Милюков все-таки нашел, что маслом каши не испортишь, и не то с сокрушением, не то с иронией подливает (в «Речи» от 11 марта) свою толику масла: «Г-н Ж. может торжествовать: он выманил медведя из берлоги... добился того, что молчание кончилось, и то страшное и грозное, что прогрессивная печать и интеллигенция старались скрыть от евреев, наконец, обрисовалось в своих настоящих размерах».

Впрочем, это еще сказано полуиронически, и в конце статьи идут, конечно, заверения, что означенное настроение у русской интеллигенции скоро пройдет. Но зато без всякой иронии и совершенно всерьез делается следующее, вполне новое и очень пикантное разоблачение: «Я тоже думаю, что старой русской интеллигенции, святой и чистой в своем блаженном неведении, наступил конец в России с началом новой политической жизни. Я тоже уверен, что многие жизненные утопии, созданные этой интеллигенцией на почве той старой святости, скоро отомрут, чтобы уже не возрождаться больше. Но я уверен также и в том, что наивный «асемитизм» и «антисемитизм», предъявляющий нам свои национальные права на существование, есть тоже один из последних пережитков (!) нашей блаженной интеллигентской невинности».

Вот это, в самом деле, ново. «Пережитком» называется нечто такое, что уцелело со старых времен. Значит, и у старой русской интеллигенции, святой и чистой и пр. тоже имелись антиеврейские «отталкивания»? Значит, медведь-то давно сидел в берлоге? Любопытно. Вслух еще в этом никто не признавался, особенно никто столь авторитетный. А еще любопытнее то, что присутствие медведя в берлоге не мешает г. Милюкову аттестовать ту старую русскую интеллигенцию «святой и чистой», а «наивный асемитизм или антисемитизм» числится у него в списке настроений, созданных «на почве той старой святости». Очень у г. Милюкова мягкое отношение к медведю в берлоге. Очевидно, в некоторых русских интеллигентах еще весьма живы пережитки старой чистоты и святости...

Итак, медведь выглянул из берлоги. Торжествует ли г. Ж., это мы оставим в стороне. По моему, торжествовать ему нечего: к статье Струве сделано примечание, что она была написана и сдана до появления в «Слове» других статей на чириковскую тему. Никто медведя нарочно не

выманивал, а сам он, по-видимому, учуял в воздухе нечто родное и по собственной инициативе решил подать сочувственно голос. И эта собственная инициатива – еще один любопытный штрих для характеристики настроения. И вызывать не надо – сами откликаются!

После этого блестящего выхода первачей мы считаем окончательно выясненным основной вопрос, в котором для нас сосредоточен весь общественный смысл инцидента: вопрос о симптоматичности. Кому не противно, пусть и дальше разоряется на клятвенные заверения, что «ничего подобного нет». Г. Винавер в той же «Речи» от 13 марта все-таки предлагает и на будущее время еврейские услуги, согреты взаимной любовью, «именно любовью». На здоровье. Ласковый теленок двух маток сосет. Предоставляем г. Винаверу и прочим ласковым людям прожить мафусаиловы годы в этой курьезной позиции, когда они, заглядывая пану в очи, умильно говорят: «а все-таки вы нас любите!» – а г-да Струве и Милуков отвечают: – «Мм... не очень». – Для нас спор в этой части исчерпан. Да в сущности, и для возражателей наших, особенно из евреев, дело так же ясно, как и для нас. Все они про себя знают и с глазу на глаз сознаются, что медведь давно начал ворочаться в берлоге и, того и гляди, высунет морду. Лицемерием, неискренностью, малодушием и искательством пропитана их ласковая декламация, и оттого она так непроходимо бездарна, и нет в ней даже пафоса умелой лжи. Люди сами себе не верят и почти вслух говорят, что не верят, и им никто не верит. Что же с вами спорить? Ступайте себе с миром дальше и повторяйте *in's Vlaue* свои казенные слова.

Гораздо искреннее те публицисты из «Новой Руси» и «Нашей Газеты», которые просто-душно спрашивают: «своевременно ли? Не лучше ли раньше вместе решить общегосударственную задачу?» – Это мы понимаем. Это, по крайней мере, практическая постановка вопроса. И нельзя не согласиться, что правда, действительно, несвоевременна – с русской точки зрения. Ибо одно из двух: раз медведь выглянул, надо или бороться с ним, или признать его полноправным гостем. Бороться? Это значило бы открыть свои газеты для систематической защиты еврейского равноправия, для систематического отпора на юдофобскую травлю. Мерси боку – только этого, в самом деле, и недоставало почтенным газетам, на которых и так стопудовым бременем тяготеет подозрение в недостаточном «асемитизме». А признать медведя тоже неудобно. Гораздо удобнее было бы сохранить до поры до времени старую иллюзию, что в «святом и чистом» климате этой прекрасной страны зоологический вид *ursus judaeophagus intellectualis* вообще не водится...

Но это с русской точки зрения, да еще с точки зрения еврейской прислуги русского чертога. Мы благодарим за любезное приглашение идейно приютиться в той же людской и через ее стекла выглядывать на Божий свет, благодарим за столь лестное мнение о нашей готовности к собачьему самозабвению. – но честь эту решительно от себя отклоняем. Мы прекрасно понимаем, что для вас удобнее сохранить блаженное неведение до дня, когда будет решена общегосударственная задача, – потому что оно вас ни к чему не обязывает и сохраняет к вашим услугам всю полноту усердия и расторопности верноподданного Израиля; а когда общегосударственная задача будет решена и медведя, наконец, выпустят на волю, – тогда вы-то ровно ничего не потеряете. Но мы? Нам тоже полезно не видеть и не слышать? Нам тоже полезно удариться в славянофильство и грезить, что хорошо нам знакомый зоологический экземпляр, вдоволь посвирепствовавший в самых культурных заграницах, – только здесь, только в этой обетованной стране, только у этого богоизбранного русского народа почему-то не родится? Нам тоже выгодно будет, если, одураченные этой грезой, мы доверчиво разоружимся, распустим свою моральную самооборону, зложим и перезложим в ваших ломбардах все свои ценности, – и тогда, в один прекрасный день, вы с душевным прискорбием объявите нам, что медведя не устерегли и он, к глубокому вашему сожалению, вырвался из берлоги?

Нет, милостивые государи, не тогда, а теперь должны вы выложить на стол все, что у вас за душою: и кто бы ни выболтал нам эту правду, – ваши илоты, как это было до сих пор, или ваши дураки, как это случилось недавно, или ваши разумники, как это происходит в последнем

фазисе, – мы ставим и будем ставить каждое лыко в строку, и кричим глупому старому еврею, что зажмурил глаза и идет, улыбаясь до ушей, приложиться к панской ручке: – помни о берлоге!

Много характерного проглянуло в этой истории, но всего характернее этот резон о несвоевременности. Никогда еще эксплуатация народа народом, не заявляла о себе с таким невинным цинизмом. В учебнике сказано, что тихая стоячая вода может остыть иногда ниже нуля не замерзая, но достаточно бросить в нее камень, чтобы она мгновенно покрылась льдом. Это часто наблюдается и в делах человеческих. Теперь имеем случай любоваться этим занимательным явлением природы по милости инцидента с «национальным лицом». На днях еще за стыд и срам считалось русскому интеллигенту выговорить этакое слово без презрительной гримасы, а теперь даже такая заскорузлая, стерилизованная невинность, как «Наша газета», через номер усердно склоняет и спрягает «национальные» словеса. И оказывается, что они, видите ли, всегда дорожили национальными моментами, всегда понимали, что правильное национальное чувство есть вещь безупречнопрогрессивная, и чуть ли не за то, главным образом, и сердчались на русское начальство, что оно унижает национальное величие!

Поистине трогательное открытие. Кто подозревал о присутствии такой контрабанды под спудом, а особенно в «Нашей газете», в этом классическом образчике русско-интеллигентской передовитости, в этом бесполом органе строго выдержанного направленчества без направления, в этом щепетильно отгороженном и чистенько подметенном пустом месте, на котором группа тщательно подобранных бесцветностей, не моргая, при всем честном народе смотрит тебе в пуп? Такая была идеальная тихая и стоячая вода, но, видно, крепко прохватило ее окружающей температурой; попал в нее камень, да еще брошенный неумной и, может быть, нетрезвой рукою, – и пошло!

Многих из нас это ошеломило – потому что мы плохие наблюдатели. Конечно, тот тонкий слой, который носит имя передовой русской интеллигенции и задает искони тон в печати, до последнего времени просто не интересовался своей великорусской национальностью, как здоровый человек не интересуется своим здоровьем, особенно когда у него других хлопот полон рот, хата не топлена и сквозь крышу небо плачет. Сытый кашей каши не просит, особенно когда у самого сапоги просят каши. Но мы, по еврейской нашей склонности подчеркивать и размазывать, а еще больше по надобности оправдать ассимиляцию, прицепили к этой особенности русского интеллигента бесконечный хвост распространительных толкований. Из настроения, обусловленного только национальной сытостью великоросса, мы сделали чуть ли не элементарную черту его характера: мы шумели на разные лады, что именно русские, не в пример немцу и всякому другому бусурману органически на «это» не способны, что им от роду присуще некое вселенское начало и отменно теплые чувства по всем направлениям, без различия веры и племени. И, как всегда, мы самих себя гипнотизировали своим шумом и победоносно пролетали мимо самых ярких фактов, не удостаивая на них оглянуться. Даже мимо погромов попробовали стгоряча проскакать без оглядки, свалив всю беду на подстрекателей сверху и «отбросы общества» снизу, как будто оглушительный успех подстрекателей сам по себе не характерен для данной среды, или как будто отбросы не характерны для выделяющего их организма.

Но был еще факт, мимо которого мы пробежали с зажмуренными глазами; и даже не мимо него, а насквозь, проникая внутрь и ничего не замечая, глядя и не видя, смакуя и не чувствуя дегтя, анализируя тонкости и не натываясь на оглоблю. Этот факт – русская литература, – та самая, что со времен еще Радищева славилась свободой и милость к падшим призывала, та самая, что так сильно проникнута идеями подвига и служения, та самая, которая устами своих лучших ни одного доброго слова не сказала о племенах, угнетенных под русскою державой, и руками своих первых пальцем о палец не ударила в их защиту; та самая, которая зато руками своих лучших и устами своих первых щедро обделила ударами и обидами все народы от Амура до Днепра, и нас больше и горше всех.

На днях праздновали юбилей Гоголя, и немало евреев использовали, конечно, этот случай лишний раз «поплясать на чужой свадьбе». Должно быть, в некоторых еврейских училищах черты устроили и еще устроят после каникул гоголевские торжества, учитель русского языка скажет прочувствованное слово, учитель физики покажет в волшебном фонаре картинки из «Тараса Бульбы», а потом ученики или ученицы, картавя, пропоют перед бюстом: «Николаю Васильевичу сла-а-ва». И девяти десятым из устроителей и участников не придет в голову задуматься, какова с нравственной точки зрения ценность этого обряда целования ладони, которой отпечаток горит на еврейской щеке: не придет в голову, какой посев компромисса, бесхарактерности, самоунижения забрасывается в сознание отрочества этим хоровым поклоном в ноги единственному из первоклассных художников мира, воспевшему, в полном смысле этого слова, всеми красками своей палитры, всеми звуками своей гаммы и со всем подъемом увлеченной своей души воспевшему еврейский погром.

Стоило бы, может быть, в честь юбилея тут переписать слишком забытые несколько страниц из того же «Тараса Бульбы». Ничего подобного по жестокости не знает ни одна из больших литератур. Это даже нельзя назвать ненавистью, или сочувствием казацкой расправе над жидами: это хуже, это какое-то беззаботное, ясное веселье, не омраченное даже полумыслью о том, что смешные дрыгающие в воздухе ноги – ноги живых людей; какое-то изумительно цельное, неразложимое презрение к низшей расе, не снисходящее до вражды.

Стоило бы процитировать, да не хочется. Все равно, кому нужно усердствовать, тех не остановишь... И не хочется еще потому, что нет никакой причины останавливаться на одном Гоголе, делать выписки из него и не делать выписок из его братьев по этой великодушной литературе. Чем он хуже их, и чем они лучше?

Веселая картина получится, если взять и на память, не выискивая, не докапываясь, просто, как говорят репортеры, *au hazard* подсчитать ласку, что мы видели в разные времена от разных великанов русского художества.

Для Пушкина понятие еврей тесно связано с понятием шпион (это в заметке о встрече с Кюхельбекером). В «Скупом рыцаре» выведен еврей-ростовщик, расписанный всеми красками низости, еврей, подстрекающий сына отравить папашу – а яд купить у другого еврейчика, аптекаря Товия.

У Некрасова «жиды» на бирже уговаривают проворовавшегося русского купца: «нам вы продайте пай, деньги пошлите в Америку», а сам пусть бежит в Англию: «На катере – К насей финансовой матери. И поживайте, как царр!» Так говорили жиды – слог я исправил для ясности...

У Тургенева есть рассказ «Жид», неправдоподобный до наивности: читая, видишь ясно, что автор нигде ничего подобного не подсмотрел и не мог подсмотреть, а выдумал, как выдумывал сказки о призраках, – и что выдумал, и с каким чувством нарисовал и раскрасил! Старый жид, конечно, шпион, а кроме того, продает еще офицерам свою дочку. Зато дочь, конечно, красавица. Это понятно. Нельзя же совсем обездолить несчастное племя. Надо ж ему хоть товар оставить, которым он мог бы торговать.

По Достоевскому – от жидов придет гибель России. Это, казалось бы, давало жидам известное право на внимание: однако ни одного цельного еврейского образа у Достоевского нет, насколько сейчас могу припомнить. Но если правда, что битый рад, когда бьют и соседа, то мы можем утешиться, припоминая польские типы Достоевского, особенно в «Карамазовых» и в «Игроке». «Полячок» – это обязательно нечто подлое, льстивое, трусливое, вместе с тем спесивое и наглое: и даже те затаенные в польской душе надежды, к которым самый заклятый враг должен отнестись с уважением, о которых сам Бюлов, защищая враждебный полякам закон, говорил недавно в рейхстаге с шапкой в руках, – коробит и вспоминать, какой желчной слюною облиты эти надежды разгромленного народа у тонкого, многострадального автора «Карамазовых».

Чехов? Еврейские критики ужасно любят цитировать из «Моей жизни» мимоходом обреченную фразу, что библиотека провинциального городишки пустовала бы, если бы не девушки «и молодые евреи». Это глубоко трогает еврейских критиков, это им очень льстит, они в этом видят явную агитацию за беспроцентное допущение евреев к образованию. Добрый мы народ, и самая добрая наша черта, это – что и малым довольны... По существу же был Чехов наблюдатель, не ведавший ни жалости, ни гнева и не любивший ничего, кроме увядающей красоты «вишневого сада»; поэтому еврейские фигуры, изредка по падающие в «Степи», «Перекаати-поле», «Иванове», написаны с обычным для этого художника правдивым безразличием. И с таким же правдивым безразличием нарисовал Чехов своего Иванова, одного из несчетных Ивановых, составляющих фонд русской интеллигенции, и с таким же правдивым безразличием засвидетельствовал, что Иванов, когда в дурном настроении, вполне способен обругать свою крещеную жену жидовкой. Но Чехов сам был во многих отношениях Ивановым, русским интеллигентом до мозга костей, и случилось и ему однажды выругаться по адресу жидовки. Тогда он написал свою «Тину». Это анекдот еще более нелепый и неправдоподобный, чем тургеневский «Жид», настолько пошлый по сюжету, что и двух строк не хочется посвятить его передаче. Где это Чехову приснилось? Зачем это написалось? – Так, прорвало Иванова, одного из несчетных Ивановых земли русской.

Кого еще назвать? Лескова? Н. Вагнера («Кот Мурлыка»)? Из одних имен можно было бы составить длинное стихотворение, как у того французского поэта: «Jeannette, Nine, Alice, Aline, Leda, Julie – Et j'en oublie...».

Ничего в противовес этому списку не может назвать русская литература. Никогда ни один из ее крупных художников не поднял голоса в защиту правды, растоптанной на нашей спине. Даже в публицистике не на что указать, кроме одной статейки Щедрина и одной статейки Чичерина. В беллетристике нечем похвастать, кроме сладенького, нестерпимо-бездарного мачтетовского «Жида», да еще где-то за порогом художества красуется шедевр г. Чирикова. Те из нас, которые малым довольны, восторгаются еще «Судным днем» Короленко, ибо там доказано, что иной хохлацкий шинкарь еще прижимистее шинкаря-еврея. Лестно. Если за это полагается мерси, то у Лескова есть гораздо более обстоятельные рассказы на тему о том, что хотя жид и мошенник, но румын еще того хуже. а русский помещик, купец и мужичок тоже не промах по части вороватости... Но ничего настоящего, ничего такого, что если не по силе, то хоть по настроению, по проникновению в еврейскую душу могло бы стать рядом с «Натаном Мудрым» или с Шейлоком, русская литература не дала. Да и зачем такие высокие образцы: рядом у поляков есть Элиза Ожешко, есть знаменитый Янкель из «Пана Тадеуша», написанный Мицкевичем в то самое время, когда Пушкин малевал своего жида Соломона из «Скупого рыцаря»...

Не сомневаюсь: как всегда, найдется где-нибудь газетный пошляк, который во всем этом увидит ненависть к русской литературе. Если это случится, я возражать не буду – надоело спорить с пошляками, возиться с людьми внутренне недобросовестными, которые давно сами знают о своем банкротстве и еще все-таки заывают бедную публику с ее нищенскими сбережениями к своему подгнившему прилавку. Между прочим, русскую литературу я очень ценю, включая и этого самого Гоголя, потому что литература должна быть прежде всего талантлива, и русская литература – далеко не в пример иным прочим отраслям русской национальной жизнедеятельности – этому условию удовлетворяет. Но вместе с тем надо помнить, что философию народа, его настоящую, коренную философию выражают не философы и публицисты, а художники, и в данном вопросе характер этой философии для всякого, кто не слеп и не глух, ясен без малейшей двусмысленности.

Может быть, мало на свете народов, в душе которых таятся такие глубокие зародыши национальной исключительности. Мы проглядели, что родоначальная страница русской классической драмы – «Горе от ума» – насквозь пропитана обостренным националистическим

чувством, до краев полна протестом во имя национальной самобытности, выходками против францужско-нижегородской ассимиляции, проповедью «премудрого незнания иноземцев». Мы проглядели, что Пушкин в разгаре таланта написал потрясающее по энергии и силе стихотворение «Клеветникам России», где трепещет подлинный нерв того настроения, которое в Англии теперь называют джингоизмом. Мы проглядели, что в пресловутом, и нас захватившем культе «святой и чистой» русской интеллигенции, которая-де лучше всех заграничных и супротив которой немцы и французы просто мещане, – что во всем этом славословии о себе самих, решительно вздорном и курьезном, гулко звучала нота национального самообожания. И когда началось освободительное движение и со всех трибун понеслась декламация о том, что «мы» обгоним Европу, что Франция реакционна, Америка буржуазна, Англия аристократична, а вот именно «мы», во всеоружии нашей неграмотности, призваны утереть им нос и показать настоящее политическое зодчество, – наша близорукость и тут оплошала, мы и тут не поняли, что пред нами взрыв непомерно вздутного национального самолюбия, туманящий глаза, мешающий школьникам учиться уму-разуму у Европы, у Америки, у Австралии, у Японии, у всех, потому что все их обогнали...

Я говорю только о зародышах. Они еще надолго останутся зародышами. Несмотря на все призывы Струве, великорусскому национализму еще некуда и не во что развиваться, кроме как по черносотенной тропинке, по которой серьезная часть интеллигенции, должно быть, не пойдет. В национальном смысле у великоросса ни в чем нет недостатка, а напротив – в колоссальных доходах, которые приносит ему его национальная культура, большую роль играют инородческие подати, особенно еврейская. Кто сочтет, в какой мере хотя бы нынешние модные книгоиздательства обязаны своим ростом руссифицированному инородческому потребителю, и в первую очередь еврею?...

Русскому национализму не за что бороться – никто русского поля не занял, а напротив: русская культура, бессознательно опираясь на казенное насилие, расположилась на чужих полях и пьет их материальные и нравственные соки. Для развития зародышей нет еще почвы, и она явится только в тот момент, когда среди народностей России подымется национальное движение всерьез, и борьба против руссификации проявится не на словах, как теперь, а в фактическом разрыве с великорусскою культурой. Мы тогда увидим, кто наши могучие соседи и есть ли у них национальная струнка, и тогда, может быть, лучше пойдем некоторые забытые страницы из Некрасова, Пушкина и Гоголя.

1909 г.

Разговор между русским и евреем

(из статьи «обмен комплиментов»)

Это был разговор, беседа, causerie: я в ней не участвовал, а сидел сбоку и слушал, и потому не отвечаю ни за доводы, ни за выводы. Тему беседовавшим лицам дала наизумевшая статья А. Столыпина о «низшей расе». Собеседников двое: один русский, другой еврей: оба мирно сидят за чаем и ласково беседуют о том, чья раса ниже.

– По-моему, – сказал еврей, – вообще нет высших и низших рас. У каждой есть свои особенности, своя физиономия, свой комплекс способностей, но я уверен, что если бы можно было найти абсолютную мерку и точно расценить прирожденные качества каждой расы, то в общем оказалось бы, что все они приблизительно равноценны.

– Как так? Чукчи и эллины равноценны?

– Я думаю. Поселите чукчей в условиях древней Эллады – и они, вероятно, дали бы миру свои ценности. Не те самые, какие дали миру греки, потому что у каждого народа свое, но все же ценности и, быть может, равноценные с эллинскими. Доказать это, конечно, не в нашей власти: я вам только высказываю свое убеждение, но зато уж это – глубокое убеждение. Я не верю в то, будто есть высшие и низшие расы. Все одинаково по-своему хороши.

– Странно слышать это именно из уст еврея. Вы, которые исторически смотрели на себя, как на племя избранное...

– Да, да, знаю этот довод. Я вам и больше скажу: после разрушения второго храма Титом еврейские мудрецы больше всего убивались именно о том, что Бог предал их в руки «умма шефела». «Умма шефела» значит буквально низшее племя. Понимаете, в их глазах римляне, блестящие римляне эпохи принципата, уже впитавшие в себя, кроме собственной культуры, изысканную ценность эллинизма, – были все-таки низшей расой. Но это доказывает только одно: что те мудрецы были ослеплены. И точно так же все новые теории о низших расах – продукт ослепления.

– Нет, я с этим не согласен. Конечно, А. Столыпин пересолил; это объясняется его личным горем, которое именно ослепляет; надо это понять и простить³. Но все же и в другую сторону пересаливать нет надобности. Что все расы равноценны, это парадокс. Я мог бы сослаться на негров, которые живут в Америке рядом с белыми и все-таки не равны белым, на турок, которые устроили Стамбул на том самом месте, где арийцы создали Византию, и т. д. Но я считаю ваше общее положение, будто все расы равноценны, настолько парадоксальным, что даже не стану его опровергать. Вы не найдете пяти человек даже среди ваших единоверцев – вернее, особенно среди ваших единоверцев, – которые согласились бы с этим мнением. Оставим поэтому общий вопрос в стороне. Речь у нас шла о еврейской расе. Повторяю, Столыпин пересолил. Я не скажу, чтобы и с Чемберленом был вполне согласен, хотя это очень образованный и очень вдумчивый мыслитель. Я также не во всем согласен с вашим собственным Вейнингером, хотя и он приводит много поражающих, глубоких аргументов в подтверждение того, что еврейская раса, так сказать, неполноценна. Затем я читал кое-что и с вашей стороны – Гертца, который вообще отрицает расу, и нового писателя Цольшана, который считает еврейскую расу превосходной. Главное же, чем я интересуюсь, это жизнь, и вот вам общее впечатление, которое у меня осталось по этому вопросу из книг и из наблюдения жизни. Вы, несомненно, раса с какими-то крупными органическими духовными недочетами. (Вы понимаете, я не говорю

---

³ Незадолго перед тем был убит его отец, известный министр царя Петр Столыпин. – Примеч. в. Жаботинского.

об исключениях – есть очень почтенные евреи, я сам знаю идеальных людей из вашей среды: впрочем, и эти исключения можно объяснить случайным смешением крови; но тут не о них идет речь, вы понимаете).

– Понимаю, понимаю, не стесняйтесь, мы привыкли.

– И вот мое общее впечатление: вы раса безусловно неполноценная. Полноценной я называю расу творческую и гармонично разностороннюю. Вы – ни то, ни другое. У вас нет и никогда не было собственного творчества. Доказано, что ваше единобожие и ваша суббота заимствованы; вы по отношению к этим идеям сыграли только роль популяризаторов, если позволите – даже коммивояжеров: к этой роли еврейская раса, действительно, весьма приспособлена. Зато еврейская душа неспособна ко многим восприятиям, ваша гамма ощущений крайне мала и не имеет хроматических оттенков: этим объясняется то, что у вас в лучшие времена вашей независимости не было никогда пластических искусств. Для постройки храма Соломону пришлось вызвать зодчего из-за границы. В вашей Библии – даже в «Песни песней» – нет, говорят, ни одного слова, означающего цвет, окраску. Только про Давида сказано, что он был рыжий, да Суламифь себя называет смуглой: но краски природы, неба, моря, листвы – все это игнорируется, точно не существует, не нужно, не интересно для сухого, расчетливого, монотонного еврейского духа. Сравните с этим Гомера, его *rhododactylos Eos* – зарю с розовыми пальчиками!..

– Позвольте, при чем тут раса? Из той же расы произошли потом Израэльс, Левитан... Да чуть ли не вся «русская» скульптура, простите, тоже произошла из этой расы – Антокольский. Гинцбург. Аронсон... Просто в древности не могло развиваться у евреев искусство потому, что религия запрещала изображать то, что «на небе вверху и что на земле внизу»...

– Нет-с, это не довод. Религиозные верования не объясняют национального характера, они сами должны иметь свое объяснение в особенностях национального характера. Народ с художественными задатками никогда не принял бы антихудожественной религии. Но вы меня не прерывайте. Я иду дальше: и библейская этика ваша, которой вы так гордитесь, какая-то сухая, расчетливая, – не рыцарская, чтобы не сказать – просто неблагоприятная. Каждый параграф имеет ясную практическую санкцию, обязательство Господа Бога уплатить наличными: дать землю, текущую млеко и медом, продлить дни твои на земле... Библия не знает высших стимулов морали – ни идеи совершенства, ни приближения к божеству, ни загробной жизни. Вдумайтесь только в этот факт: народ, в священных книгах которого нет ни слова о том, что будет с человеком после смерти!

Сравните это с арийцами, у которых вся религия-то началась с культа «отцов»! Ведь это разительное доказательство полного отсутствия интереса ко всему, что не имеет непосредственной практической цели. За пределами практических надобностей общежития у вас не только воля, но даже мысль не работала. Просто не интересовались. Неужели все это не дает права отрицать многогранность еврейской души? Неужели она равноценна с душой арийца, всестороннего, рыцарственного, мечтательного, гармонического? Поймите, я не хочу обидеть...

– Понимаю, понимаю. Пожалуйста.

– Да я кончил. Хотел только прибавить, что и в жизни не могу не видеть подтверждений этого взгляда. Распространяться на эту тему не хочу, но все-таки согласитесь, что если все, всюду, всегда ненавидят и презирают одну и ту же расу, то ведь нельзя это так просто объяснить одним тем, что все люди, мол, мерзавцы. Меняются предлоги вражды, меняется содержание обвинений, предъявляемых к евреям, но вражда и презрение вечны. Неужели вам самим в голову никогда не приходит, что, верно, есть в вас что-то такое неприемлемое, нестерпимое, раз всегда и повсюду вы наталкиваетесь на одно и то же отношение? Возьмите только список выдающихся людей, которые терпеть не могли евреев: кого вы там только не найдете! Цицерон, Ювенал и Тацит, Джордано Бруно и Лютер; Шекспир, Вагнер, Дюринг, Гартман, в сущности и

Ренан; Пушкин, Гоголь, Шевченко, Достоевский, Тургенев... Это даже не десятая доля полного списка.

Наконец, вот что я вам скажу. Вы, евреи, вообще мало встречаетесь с русскими, даже с юдофильствующими; а я среди них живу и знаю, как они к вам относятся, когда вас нет поблизости. Вы, господа, сами не знаете, сколько у вас врагов даже среди ваших друзей. Может быть, это не «вражда» в настоящем смысле, даже не презрение: это именно какое-то непреодолимое ощущение низшего существа, низшей расы. Это ощущение есть у всех, и если какой-нибудь Милюков или даже Плеханов станет меня уверять, будто оно ему не знакомо, я ему не поверю. А когда одно и то же чувство разделяют все, тогда то чувство – правда.

– Вы кончили?

– Кончил. Жду ваших возражений.

– Я не буду возражать.

– Вот как?

– Не буду. Разве укажу вам на две-три мелочи, которые мне больше запомнились. Например, о загробной жизни. В Библии о ней, действительно, не говорится; тем не менее совершенно ясно, что верования о загробной жизни у древних евреев были. Саул в Эн-Доре вызывает тень пророка Самуила: Самуил «подымается» и спрашивает: «зачем ты меня потревожил?» Для всякого, кто привык разбираться в истории культуры, ясно, что такая легенда, такие выражения, вообще самая идея вызывания мертвецов может зародиться только там, где есть вера, что мертвец и за гробом продолжает жить. А другие выражения Библии, вроде того, что «Авраам присоединился к народу своему», иными словами – умер? Или та тщательность, с которой Авраам выбирает место, где похоронить Сарру? Всякий социолог скажет вам, что это явные черты народа, веровавшего в загробную жизнь. Прямого изложения этих верований в Библии не сохранилось, но не забудьте, что почти вся древнейшая литература евреев погибла, и Библия – только осколки ее. В книге Эсфири ни разу не упоминается имя Божие. Если бы уцелела только она, вы бы стали верить, что евреи не знали идеи Бога...

Или вот, тоже о красках и вообще о искусстве. Во-первых, кроме русого Давида и смуглой Суламифи, в Библии есть еще и «зеленеющие» деревья, и «красная» чечевичная похлебка, и «синяя» пряжа. Во-вторых, картины природы в «Песне песней», именно по богатству зрительных впечатлений, куда полнее Гомера и его розовоперстой зари. В-третьих – почему вы нападаете на отсутствие пластических искусств, а забываете о высоком развитии музыки у древних евреев? Книги Паралипоменон полны музыки даже чересчур – на каждом шагу музыка и пение. Это еще спорно, какое искусство глубже, какое искусство более артистично – пластическое или тоническое. А что касается до иностранных зодчих, то ведь и вам в России долгое время все лучшие храмы строили заморские архитекторы, однако вы себе не отказываете в художественной душе...

Но это все мелочи. По существу я с вами спорить не буду.

– Значит, согласны?

– Нет, это просто значит, что о вкусах не спорят. Из ваших слов ясно только одно: что мы вам не нравимся. Это дело эстетики. Объективного критерия тут быть не может. Вы считаете, что ждать награды в загробной жизни есть этика высшего качества, чем ждать награды в жизни земной, а я считаю, что наоборот. Вы считаете, будто учение о приближении к божеству выше учения о том, что надо время от времени прощать долговые обязательства, и во время жатвы оставлять край поля необраным – для бедняков; а я полагаю, что в этих простых правилах куда больше правды, и не земной, а божественной правды, правды, приближающей к божеству.

Вы считаете, что заимствовать элементы культуры у Вавилона значит быть коммивояжерами; а я считаю, что всякое творчество в мире опирается на заимствованные элементы, и что народ, который сумел, на самой заре своей жизни, собрать эти осколки золота и создать из них

такой вечный храм, – что этот народ есть народ творчества *par excellence* среди всех народов земли.

Словом, дело вкуса. Я ведь не отрицатель рас, я не спорю против того, что есть арийское начало и есть еврейское и что они различны по содержанию. Я только считаю нелепостью всякую попытку расценить оба эти начала, установить, какое из них «высшее» и какое «низшее». Думаю, что перед лицом объективности оба равноценны и равно необходимы человечеству. А всякая оценка может исходить только из предвзятой нелюбви. Хотите, я вам покажу опыт?

– Какой?

– Я попробую проанализировать несколько моментов из русской истории. Буду при этом действовать так же, как вы: возьму в руки такую мерку, какая мне нравится, и буду ее прилагать к событиям, изложенным у Иловайского. Посмотрим, что получится. Хотите?

– Пожалуйста. Compliments за compliments.

– Именно. Начнем с мерки. По-вашему, мерка высшей расы – это творчество и многогранность. Я мог бы поспорить и на ту тему, доказало ли русское племя в чем-нибудь свою творческую многогранность – дало ли оно миру хоть одно великое новое слово в области науки, религии, философии, законодательства, техники, искусства... Но оставим это. Дело в том, что я выдвигаю другой критерий высшей расы: самосознание. В существе высшей породы, будь это ученый среди дикарей или аристократ среди плебеев, всегда живет неискоренимое, неподвластное его собственной воле сознание своей ценности. Внешне оно выражается в том, что мы называем разными именами – чаще всего гордостью. Это есть та черта, благодаря которой король Лир и в рубище остается королем: он сознает себя королем, он не может отделаться от этого сознания. Это ощущение своей аристократичности есть первый и главный признак аристократичности. Конечно, иногда *ragueni* выдает себя за аристократа: с другой стороны, и у бушменов есть поверье, что остальные люди хуже их. Но достаточно выскочке встретиться лицом к лицу с настоящим барином, и трещина в его сознании сразу вскрыется: он смутится, он собьется с тона – и он ощутит свою инфериорность. То же самое происходит с бушменом при столкновениях с белым человеком: в конце концов, белый ему все-таки импонирует. У обоих есть сознание своего превосходства, но у белого оно уцелеет, а у бушмена расшатается и атрофируется, и белый получит над ним не только кулачную, но и моральную власть. Поэтому признаком высшей расы можно считать только такое сознание превосходства, которое оказалось способным выдержать в течение долгого времени сильные конфликты и не пошатнулось.

– А, я понимаю вашу мысль. Так как, мол, евреи три тысячи лет верят в свое превосходство, то они...

– Нет. Речь у нас не о евреях, а о вас, русских. Я только разъяснял, что понимаю под словом «самосознание» и почему считаю наличность такого самосознания главным признаком высшей расы (если, конечно, допустить, что есть высшая и низшая расы). Высшая раса должна обладать прежде всего самосознанием: ей присуща непоборимая гордость, выражающаяся, конечно, не в спеси, но в стойкой выдержке, в уважении к ценностям своего духа. Самая мысль о том, чтобы подчинить себя и свою душу чужому началу, должна быть органически неприемлема для такой расы.

Теперь возьмем Иловайского и начнем мерить этой меркой вашу русскую историю.

– Посмотрим.

– На заре этой истории мы встречаемся с призванием варягов. Факт замечательный. Вы скажете мне, что это басня, а не факт. Я знаю. Конечно, на самом-то деле оно произошло не так: вероятно, варяжские викинги просто-напросто захватили когда-то власть силой, и потом смутное воспоминание об этом событии превратилось в легенду. Но ведь легенда есть плод народного творчества, и в ней сказывается народная душа. Поэтому, если за «призвание варягов» русский народ не ответствен, то за легенду о призвании варягов он отвечает. Та идея, которая лежит в основе этой легенды, была, очевидно, вполне приемлема, совершенно есте-

ственна для русского народного самосознания, иначе легенда не сохранила бы этой идеи. А в чем эта идея? Что собрались вожди русской земли и решили поставить над собой вождя из-за границы. Не кто-нибудь, не простое мужичье, а воеводы собрались, и не нашлось у них достаточно самолюбия, чтобы додуматься до другого выхода из положения. Очевидно, народу, который создал эту легенду, который так объяснял себе факт воцарения чужеземцев, это казалось естественным: очевидно, его не шокировала мысль о том, что предки его сами управлять не могли и что единственным средством завести порядок было выписать начальника из-за границы. Чтобы понять всю соль этой басни, сравните ее с еврейской легендой о том, что произошло на заре еврейской истории. На заре еврейской истории Израиль уходит из-под власти чужеземного царя и пускается через пустыню – завоевывает себе обетованную отчизну. Вам не кажется, что в этих двух легендах – две народные психологии?

– Нет, не кажется. Впрочем, я ведь не спорю, я слушаю.

– Перелистываем Иловайского дальше. Останавливаю ваше внимание на странице, где рассказывается, как весь народ при Владимире принимал новую веру. Стоят по горло в воде и принимают новую веру. В это же самое время они кричат Перуну, которого по князьему приказу сбросили в воду: «выдыбай, боже!»

То есть Перун для них еще бог, который может выплыть. Я понимаю, народ меняет веру, когда старая расшатана. Но когда старая вера еще целехонька, когда она из глубины души народной кричит «выдыбай, боже!» – в это самое время лезть всем скопом в воду и принимать новую веру – это ясно говорит об одном: не было самосознания, не было гордого уважения к своему внутреннему достоянию, не было ощущения, что мне нельзя ничего навязать такого, чему нет корней в моей совести. Если есть расы высшие и низшие, то так не действует высшая.

– Одно замечание: у Иловайского приведена поговорка, объясняющая, почему пришлось лезть в воду. «Добрыня крестил мечом, а Путята огнем».

– Не сомневаюсь. Позвольте вам только напомнить для сравнения, что нас, евреев, крестили и огнем, и мечом; это у нас не поговорка, и вся наша история за 2000 лет этим полна – и, однако, ни Путята, ни Добрыня ничего с нами не поделали. Очевидно, мы такой народ, с которым нельзя разговаривать с палкой в руках...

Но я отвлекаюсь: вернемся к Иловайскому. Перед нами татарское иго. Это одно из самых странных политических явлений на свете. Оно почти беспримерно. Когда римляне завоевывали страну, они ставили там гарнизон, выводили туда римские или латинские колонии; это была оккупация, в той или иной форме. Тут было совершенно другое. После страшного разгрома татары отхлынули к себе в орду; они, собственно, эвакуировали Русь, и не фактическим постоем, а одним только угрожающим видом своим, издали держали ее в повиновении. Вам не кажется, что для этого нужен был ей какой-то особенный... талант повиновения? Конечно, разгром был ужасный, память об этом уроке изгладиться не могла; но, все-таки, есть характеры строптивые, жестоковейные, которые быстро забывают самый кровавый урок и дерутся, пока не обрубят им рук, – и есть другие характеры, помягче. Сравните опять-таки, ради параллели, отношение евреев к чужеземному владычеству над Палестиной. Пока хоть горсть иудеев оставалась на святой земле, страна не покорилась. Не с ордою кочевников, а с великим Римом воевали Бар-Гиора и Бар-Кохба! Татары оставили удельной Руси полную автономию, и она смирялась и платила дань. Римлянам пришлось провести плуг по Иерусалиму, сравнять с землей цветущие города Галилеи, истребить и разогнать еврейское население чуть ли не до последнего человека, и только тогда Иудея подчинилась. Кровавая баня Тита была тоже страшным «уроком», но через 70 лет Бар-Кохба уже успел его забыть.

Очевидно, не все расы обладают счастливой способностью так свято помнить «уроки», чтобы достаточно было хорошенько «проучить» один раз, и повиновение гарантировано на 200 лет. Есть расы неукротимые, и есть поддающиеся укрощению. Какие «выше»?

– Дело вкуса, как вы сами сказали. Но я вас слушаю, продолжайте.

– Нет, признаться, мне уж надоело. Мы ведь не так интересуемся вашей историей, как вы, антисемиты, нашей. Разве еще укажу на одну маленькую деталь, относящуюся к той же странице Иловайского – о татарском иге. Там рассказывается, что ваши князья ездили в орду на поклон и становились на колени перед ханом. Я этого не осуждаю, это было очень благоразумно и патриотично. Но вот вам параллель – из романа «Камо грядеши», сочинение Сенкевича. К Нерону приходят разные лица и становятся на колени: только два раввина не преклоняют колен, и Нерон с этим мирится, ибо, очевидно, понимает, что тут ничего не поделаешь: евреи не станут на колени. Да, словом, есть расы и расы, и какая из них «выше» – трудно разобрать...

– Знаете, что я вам на все это скажу? Вы еще больший русофоб, чем я антисемит.

– Это я самым решительным образом отрицаю. Для меня все народы равноценны и равно хороши. Конечно, свой народ я люблю больше всех других народов, но не считаю его «выше». Но если начать меряться, то все зависит от мерки, и я тогда буду настаивать между прочим, и на своей мерке: выше тот, который непреклоннее, тот, кого можно истребить, но нельзя «проучить», тот, который никогда, даже в угнетении, не отдает своей внутренней независимости. Наша история начинается со слова «народ жестоковыйный» – и теперь, через столько веков, мы еще боремся, мы еще бунтуем, мы еще не сдались. Мы – раса неукротимая во веки веков: я не знаю высшей аристократичности, чем эта.

– Гм... – сказал русский. – Да, вы правы, это дело вкуса. Я... остаюсь при моем вкусе.

1911 г.

О «ритуальных убийствах»

(из статьи «Вместо апологии»)

Если вникнуть как следует во вкус ритуального обвинения, возникает ощущение очень тяжелое, для впечатлительного человека нестерпимое. Вы вдумайтесь: ведь это про нас – про меня, вас, вашу мать! Каждый из нас, говоря с иноверцем, должен, значит, помнить, что тот, быть может, в эту самую минуту ежится и думает: «а кто тебя знает, не хлебнул ли когда-нибудь и ты из ритуальной рюмочки?» Попробуйте во все это вникнуть! В сущности, ведь это ужаснее, чем все остальное, что мы переносим в этой тюрьме. Я себе представляю, что впечатлительный человек, вдумавшись в это обвинение как следует, во всю глубину, может сойти с ума от обиды и отчаяния, или, по крайней мере, должен рыдать и рвать на себе волосы. Человек менее слабонервный, но зато наивный, должен выбежать на улицу, хватать там прохожих за полу или за пуговицу и доказывать им, пока не охрипнет горло, что это клевета, что мы ни в чем подобном не виноваты. Наконец, человек слепорожденный (среди нас таких очень много) поступит иначе. Он себя успокоит обычными успокоительными фразами: что в такую нелепость никто в сущности не верит; что сами обвинители в нее не верят; что это просто политический маневр; что вся благоразумная часть христианского населения (а таковая, конечно, в подавляющем большинстве) слушать не желает подобной клеветы, даже возмущена ею; что, словом, все обстоит благополучно и на Шипке спокойно.

Я не принадлежу ни к впечатлительным, которые охают, ни к наивным, которые оправдываются, ни к слепорожденным, которые не видят, что у них под носом происходит. Особенно резко должен отмежеваться от последней категории. Конечно, очень удобно и очень приятно воображать, будто все твои враги просто мошенники и сознательные обманщики; но такое упрощенное понимание неприятельской психологии всегда в конечном итоге приводит к величайшим поражениям. Ибо оно неправильно и несправедливо. Среди наших врагов далеко не все лыком шиты и далеко не все сознательные лжецы. Очень советую одноплеменникам моим не заблуждаться на этот счет. Среди правых есть и вполне искренние люди. Эти люди совершенно искренно верят, что евреи действительно употребляют в пищу кровь христианских младенцев; по крайней мере, что среди евреев есть такая секта. Эти люди могут также совершенно искренно думать, что убийство Ющинского в этом смысле подозрительно и что надо его расследовать с особенной тщательностью, иначе богатые евреи подкупят отечественную Фемиду, и дело будет замазано. Они совершенно искренно считают евреев богатыми, а отечественную Фемиду покладистой. Поэтому отделаться от них будет не так легко и не так просто, как это думают многие из нас. Вообще все это дело гораздо сложнее.

Оно особенно сложно потому, что вера в ритуальные убийства распространена не только среди правых. В нейтральной, беспартийной массе, даже интеллигентной, тоже далеко еще не искоренилось это подозрение. Смешно и глупо замалчивать это обстоятельство. Мало ли раз всякий из нас, кому только приходилось встречаться с христианами, слышал от самых милых людей откровенные признания в этом сомнении? Конечно, милые люди выражают это сомнение не в такой грубой форме. Они обыкновенно говорят так: «Конечно, мы не сомневаемся, вы и ваши близкие об этом не знаете. Но... может быть, ваши раввины знают? Мало ли таких древних религий, в которых высшие таинства известны только немногим посвященным?». Другие еще добрее, они идут еще дальше по пути уступок и ставят вопрос так: «Может быть, это какая-нибудь особенная секта? Можете ли вы поручиться, что знаете наперечет все секты в лоне еврейства и все тайны каждой секты? Вот и у нас есть изуверы – хлысты и скопцы – разве мы

за них в ответе? Зачем же вам так волноваться и огулом отрицать то, что все-таки, быть может, имеется в действительности?»

Так говорят многие, очень многие из самых милых наших соседей, причем я их называю милыми без всякой иронии, а серьезно. Есть вполне порядочные, совершенно благожелательные люди, которые, однако, высказываются именно в этом смысле. Кто скажет, будто таких нет, тому я просто отвечу, что он говорит неправду. Они есть, и всякий из нас имел случай их видеть и слышать. А сколько таких, которые не высказывают вслух, но думают то же или еще хуже? И больше: спрошу: где гарантия, что это подозрение так цепко держится только в беспартийной, нейтральной среде? Неужели для того, чтобы стать кадетом, надо раньше искоренить в себе все предрассудки, даже взрощенные веками? Неужели в рядах трудовиков нет места человеку, который подписывается под всей партийной программой, но все-таки еще не может, положив руку на сердце, поручиться, что в Талмуде, который знать он не обязан, нет параграфа о ритуальном убийстве? Не хочу вести это рассуждение дальше налево, только напомню, что главный материал, из которого строятся или должны бы строиться русские левые партии, это – или крестьянство или фабричные, вчера вышедшие из деревни. Наши слепорожденные горько ошибаются, и суждено им еще горько разочароваться.

Ошибаются во многом и наивные – те, что по всякому поводу становятся в позу и начинают защитительную речь. Их доводы так же однообразны, как обвинения противной стороны. Одно и то же из века в век. Сначала доказывается, что еврейская вера воспрещает употребление крови: затем идет доказательство, что самые знаменитые ритуальные процессы всегда кончались торжеством истины, оправданием невиновных и посрамлением клеветников. И толпа этих доводов не слушает, и никто в толпе с ними не считается. На перечень оправдательных приговоров отвечают: жида подкупили суд. На перечень текстов, запрещающих употребление крови, отвечают: значит, есть еще один текст, который разрешает, и его-то вы нам не хотите процитировать. Вся аргументация пропадает даром, как вода в дырявой бочке. Я не вообще отрицаю полезность документальной защиты, но она полезна только в свое время и на своем месте. Место ей – на суде, место ей – в настоящем парламенте, но только в настоящем, где происходит действительно серьезное рассмотрение серьезных вопросов. Когда вместо парламента имеется митинг, чтобы не сказать хуже, – митинг, где с трибуны несутся ругательства, оскорбления, призывы «бей», где резонов никто не слушает и документами никто не интересуется, – тогда защитительное красноречие не имеет никакой ценности и никакого смысла. Двести раввинов (в который раз) печатно побожились, что евреи не пьют крови младенцев, – и никто этого не заметил, даже черносотенная пресса не огрызнулась как следует: просто прошла мимо, не оглянувшись. То же самое впечатление произвели и произведут все бывшие и будущие речи на эту тему еврейских депутатов. С документами и доводами считаются там, где собрались люди с намерением спокойно и беспристрастно исследовать. В атмосфере свалки, бешенства, битья чем попало – все оправдательные словеса неуместны, может быть, даже вредны.

Вот уже несколько лет, как евреи в России плотно сидят на скамье подсудимых. Это не их вина. Но вот что бесспорно их вина: они себя держат, как подсудимые. Мы все время и во все горло оправдываемся. Мы божимся, что мы совсем не революционеры, не уклоняемся от воинской повинности и не продавали Россию японцам. Выскочил Азеф – мы начинаем божиться, что мы не виноваты, что мы совсем не такие, как он. Выскочил Богров – и опять нас за шиворот ташут на скамью подсудимых, и опять мы входим в навязанную роль и начинаем оправдываться. Вместо того, чтобы повернуть обвинителям спину, ибо не в чем и не перед кем нам извиняться, мы опять божимся, что мы тут ни при чем, и для пущей убедительности начинаем усердно отплеиваться от памяти Багрова, хотя над этим – каков бы он ни был – несчастным юношей, в час изумительной его кончины, и без нас достаточно надругались те десять хамов из выгребной ямы киевского черносотенства. Теперь подняли гвалт о ритуальном убийстве – и вот уже мы опять вошли в роль подсудимых, мы прижимаем руки к сердцу,

перебираем дрожащими пальцами старые кипы оправдательных документов, которыми никто не интересуется, и божимся на все стороны, что мы этого питья не потребляем, отродясь ни капельки во рту не бывало, разрази меня Бог на этом месте... Доколе? Скажите, друзья мои, неужели вам эта канитель еще не надоела? И не время ли, в ответ на все эти и на все будущие обвинения, попреки, заподозривания, оговоры и доносы, просто скрестить руки на груди и громко, отчетливо, холодно и спокойно, в качестве единственного аргумента, который понятен и доступен этой публике, заявить: убирайтесь вы все к черту? Кто мы такие, чтобы пред ними оправдываться, кто они такие, чтобы нас допрашивать? Какой смысл во всей этой комедии суда над целым народом, где приговор заранее известен? С какой радости нам по доброй воле участвовать в этой комедии, освящать гнусную процедуру издевательства нашими защитительными речами? Наша защита бесполезна и безнадежна, враги не поверят, равнодушные не вслушаются. Апологии отжили свой век.

Наша привычка постоянно и усердно отчитываться перед всяким сбродом принесла нам уже огромный вред и принесет еще больший. Население привыкло к этому, привыкло слышать из наших уст жалобный тон обвиняемого. Мы сами приучили соседей к мысли, что за всякого проворовавшегося еврея можно тащить к ответу целый древний народ, который законодательствовал уже в те времена, когда соседи еще и до лаптя не успели додуматься. Каждое обвинение вызывает среди нас такой переполох, что люди невольно думают: как они всего боятся! Видно, совесть нечиста. Именно потому, что мы согласны в любую минуту вытянуть руки ношвам и принести присягу, развивается в населении неискоренимый взгляд на нас, как на какое-то специально вороватое племя. Мы думаем, будто наша постоянная готовность безропотно подвергнуться обыску и выворотить карманы, в конце концов убедит человечество в нашем благородстве: вот мы, мол, какие джентльмены – нам нечего прятать! Но это грубая ошибка. Настоящие джентльмены – это те, которые никому и ни за что не позволят обыскивать свою квартиру, свои карманы и свою душу. Только поднадзорные готовы к обыску во всякий час. И мы себя ставим именно в такое положение, не считаясь с самой ужасной опасностью: а что, если нам подбросят краденую вещь?

До сих пор ритуальные убийства подбрасывались нам почти всегда неумелыми, топорными руками. Но я считаю вполне возможным, чтобы и в этой области сказался однажды общий технический прогресс нашего времени. Может найтись виртуоз, который так умно и тщательно разработает план, учет и предусмотрит все неожиданности, что эффект получится самый ослепительный. В этом предположении нет ничего невероятного. Среди антисемитов теперь есть очень культурные люди, а с другой стороны – очень богатые и могущественные люди, которым доступны самые верные средства фальсификации. Не так трудно теперь найти и еврейчика-лжесвидетеля: этого добра и в прежние времена было немало, а теперь особенно. В результате могут пред нами в один прекрасный день разыграть такую правдоподобную комедию ритуального убийства, что самый честный, самый беспристрастный судья поколеблется. Что же мы скажем тогда – мы, которые чуть не всю свою оборону строим на том, что судьи нас по большей части оправдывали?

Но я считаю возможным, даже вполне вероятным и другой, гораздо более ужасный случай. Еврейство сильно изнервничалось; кажется, мы один из первых народов по количеству душевнобольных. В той атмосфере травли, которую создает вокруг нас басня о ритуальном убое, могут в конце концов у нас народиться и маньяки, помешавшиеся на этой басне. Если не ошибаюсь, в Падуе в XVI веке был такой случай: еврей Давид Морпурго впал в безумие и стал кричать, чтобы к нему привели 3-летнюю дочь соседа-католика – он ее зарежет и окропит ее кровью опреснок. Раввины связали его и выдали властям: но к счастью, безумие его оказалось очевидным, и дело не кончилось погромом. Но за 400 лет наши нервы сильно расшатались, и теперь не будет чудом, если явится более утонченный маньяк, который кричать не станет, а просто возьмет и сделает. Я считаю странным счастьем, что этого до сих пор не случилось. Не

забудьте, среди какого кошмара мы живем, под каким ужасом воспитывается наша молодежь. Мы уже видели таких, которые помешались на революции, на терроре, на экспроприациях: в эпидемии самоубийств есть несомненная примесь психического расстройства: недавнее половое поветрие тоже выдвинуло заметный элемент явных маньяков. И вот, если разразится такая беда, что мы скажем, какие тексты вытащим? Будем ждать реабилитации своего народного имени от суда и экспертов: если они признают, что это сумасшедший, то наша честь спасена: а если маньяк попадется вроде Джека-потрошителя, трезвый и уравновешенный во всем, кроме своей мании, и покажется экспертам здоровым, тогда мы, значит, признаем себя обесчещенными навек? Ибо таков будет неотвратимый вывод из нашей мании – реагировать на каждый попрек, принимать всенародно ответственность за каждый проступок еврея, оправдываться перед кем попало – в том числе и черт знает перед кем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.